Евг. Винокуров

ИЗ ПОЭЗИИ ВОСТОКА

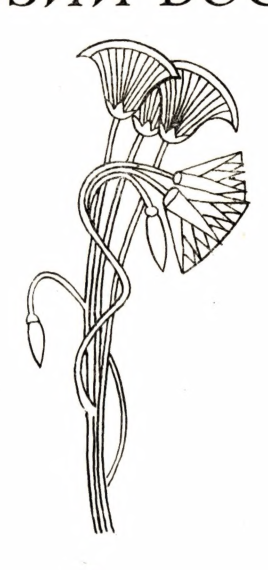

Евг. Винокуров

ИЗ ПОЭЗИИ ВОСТОКА

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Сб 1
В 49

Ответственный редактор
Л. З. ЭЙДЛИН

Винокуров Евг.

В 49 Из поэзии Востока. Избранные переводы. Предисл. Л. Эйдлина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

143 с.

В сборнике представлены переводы стихотворений средневековых и современных восточных поэтов — арабских, индийских, японских, казахских, мансийских, армянских, грузинских,— выполненные известным поэтом Евгением Винокуровым. Этой книгой Винокуров продолжает прекрасную традицию русских поэтов приобщать широкие круги читателей к поэзии Востока.

В $\frac{70404-038}{013(02)-80}$ 195-79. 4703000000

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ:
ПОЭЗИЯ И ПЕРЕВОД

Стихотворения народов зарубежного и советского Востока, переведенные известным поэтом Евгением Винокуровым. Неправда ли, уже одно это вызывает интерес к ним, даже не меньший, чем к собственной поэзии Винокурова? И поднимает ряд вопросов. И первый из них — с чем же пришел поэт к своим переводам?

Е. Винокуров не знал безмятежной юности. Ее заполнила война, воспитавшая и дисциплинировавшая его, еще не вышедшего на жизненный простор. Он долгое время после возвращения с фронта пытается осознать дальнейший свой путь. «Я говорил: к своей большой свободе Идет по руслу тесному вода... На жесткий долг, что царствует в природе, Не сетовал я в жизни никогда». До сих пор не умолкла музыка написанных им в 1953 году печальных стихов о погибших «за Вислой сонной» Сережке с Малой Бронной и Витьке с Моховой. Поэт все еще с ними и не старше их, пока «Пылает свод бездонный, И ночь шумит листвой Над тихой Малой Бронной, Над тихой Моховой».

Но поэт взрослеет и старается отвлечься от романтики запоздавшей юности. Он одергивает себя и возвращает насильно к обыденности жизни. «Как-то в детстве, Идя по кручам, Вдалеке над зацветшим прудом, Я увидел в лесу дремучем С золотыми стеклами дом. Я дошел... На холме покатом Понял я средь лесной тишины: Просто-напросто были закатом Окна в доме освещены». Однако и это слишком красиво. И он в поисках самого простого, лежащего в основе жизни. «Что означает это пенье птичье? Гремит, звенит, поет ночная мгла. То песнь, наверно, звездному величью? То космосу бескрайнему хвала? А может, то совсем не песнь, а просто Так, разговор про разные дела — Что скоро утро, что, мол, нынче росно, Что вот, мол, дескать червяка нашла...» Не надо думать, что прозой

жизни он пытается опровергнуть свою поэзию. Она остается: он только хочет уверить читателя, что проза не может уничтожить ее. Он знает: «Из века в век поэзия и проза Смертельный бой ведут между собой». Знает это надолго, потому что сам участвует в бою и сам скажет через девять лет, в 1962 году: «О, если б воспарить над бытом, Подняться бы, восстать над ним! И выйти на вселенский стрежень, И в беспредельности кружить, Где в воздухе, что так разрежен, Нельзя дышать, но можно жить». Но он при этом знает, что от обыденности ему никуда не уйти: она-то и влечет его к себе, и волнует, и возмущает, и питает его поэзию. В ней, в обыденности, он собирается стать самим собой. «Чем больше слушал я учителей, Тем больше я хотел быть сам собою».

Нам нетрудно проследить, как поэт утверждает себя, как уверяет себя в том, что «Упорствующий до предела Почти всегда бывает прав», как даже в возрасте своем при наступлении тридцати пяти лет видит он повод подбодрить себя, повод найти в нем свою исключительность, преодолеть прорывающуюся неуверенность в себе («Прекрасный возраст. Я горжусь им, право! Я им хвалюсь, всем сердцем возлюбя. Что может быть на свете лучше сплава Боязни тайной с верою в себя!»). Он все время и весь полон все того же «стремления самим собою быть» и не стесняется этого: «Есть слово „я“. Оно во тьме недаром К небытию испытывает злость... Оно во мне. Оно одним ударом В меня по шляпку вбито, словно гвоздь». Поэт хочет самого высокого выражения своего «я», такого, чтобы оно и не ощущалось, и не замечалось в окружающей его обыденности, того «я», о мере значительности которого знал бы он один. «Мое мастерство» — называет он стихотворение, завершающееся горделивым признанием: «Мое мастерство избежать мастерства». Прошло двадцать лет с того раннего стихотворения, в котором Е. Винокуров выразил свое подчинение жесткому долгу, «что царствует в природе».

Он много повидал, он много прочитал («Я знаю жизнь, но книгам я не враг...»), он далеко ушел от преодолевавшейся им романтической наивности юных годов и даже от сплава «боязни тайной с верою в себя». Жалеет ли он об этом? А может быть, гордится? «Я пожилой! И это очень просто». В тридцать девять лет. Поэту

всегда нравилось, когда «просто». «Как хорошо, что молодость прошла...» Вчитайтесь в последующие строки, и они заставят вас задуматься над кажущейся радостью поэта, который через семь лет в стихотворении «Светило» вернется к тоске по молодости: «Молодость, точно светило, почти Там, на черте: „Я вас скоро покину!..“ Как человек, согревающий спину, Я говорю ему: — Не уходи! Я говорю ему: — Повремени! Я повернуться хочу еще боком... Ну, а потом заходи себе с богом, Я ведь согласен остаться в тени. Я говорю: — Хоть минуту одну, Только б минуту еще, в самом деле!.. Руки свои я к тебе протяну. Пальцы мои уже похолодели». Почему так трагически расстается... нет, вспоминает сорокашестилетний поэт о молодости, с которой он давно расстался? Ведь все уже есть — и «я», и «мастерство избежать мастерства». Но в том и ценность истинного поэта, что он не может, даже избегая мастерства, избежать искренности: «Я крылья еще не расправил, А молодость позади». Но он достаточно благоразумен, чтобы сказать: «Нам судьбу не надо молодую!.. Счастливы и так наверняка...».

«Счастливы и так...» Даже когда в стихах (на этот раз пятидесятитрехлетнего поэта) появляются мысли о какой-то, еще неопределенной старости: «...Она ну какая-то все-таки будет. Серый дождь, по карнизу окна простучав, меня в полдень разбудит!» Так отвлеченно и не без любования говорят, должно быть, поэты всего мира, пока они видят старость лишь в отдалении, понимая неизбежность ее прихода и долго еще не ведая ее бессилия. Главное в том, что поэт, как и прежде, не чуждается земных дел и склонен потолковать о них с готовым откликнуться собеседником: старость подождет. «Ура, еще вращается планета и каждый шаг наш требует труда! И надо сделать то, и надо это, зайти туда и написать сюда... Поговорим же о делах, как людям положено, стакан держа в руках. О вечности же говорить не будем и о тому подобных пустяках», — предлагает он Отару Чиладзе. Но ведь из всех подразумеваемых здесь «дел» и строится вечность, в чем про себя не сомневается поэт, сколько бы ни умалчивал он о ней. У него и ученики под стать: «Они уж без обиняков сказать о всем умеют...» Не исключено, правда, что непрекращаемые советы учителя «о всем» могут им казаться воркотнею, но в обыденных этих советах есть доказа-

тельная сила, приобретенная знанием жизни. «В поля без проволочки!.. И там, как бы впервые, увидишь василечки, тюльпаны полевые!..» — приказывает поэт, и за простыми на первый взгляд словами вырисовывается поэтическая картина Матери-природы и преступно отвернувшегося от нее человека. Но может быть и по-иному. Может быть и обобщенное поучение самому себе, чтобы жизни также научить других: «И я сказал себе: не мучай себя напрасно ты, когда однажды вмиг разрушит случай все то, что строил ты года».

Обыденность — стихия поэта. Ему кажется, что он хочет вырваться из нее, а именно она рождает любовь его и ненависть, именно она приносит с собою вдохновение. Он не нуждается в исключительных событиях. Он на них достаточно насмотрелся в своей юности и знает, что трагедии могут таиться и вспыхивать в повседневности. Даже санскрит хочет он изучить, потому что его притягивают слова санскрита по одной причине: «Я чувствую, что непростая в них мысль живет, от всех таясь, как водоросли прорастая, имея с повседневным связь».

Милая поэту простота буден. «Давно люблю обычные слова, Которыми на улицах толкуют, Не те, которыми тетерева Красиво, но бессмысленно токуют. «Как жизнь?» — «Болел».— «Так ты, брат, заходи».— «Спасибо, дорогой!» — «До скорой встречи!..» Ведь глубину, лишь только захоти, Ты обнаружишь вдруг в обычной речи. Слова, что до оскомины просты, Вдруг полоснут с неслыханною силой: «Я слушаю. Алло! А, это ты. Да, суп стоит. Я ожидаю, милый». Многое скрыто за внешней незначительностью для обывательского взгляда, но не ускользает от внимания поэта. «...Спроси: „Как жизнь?“ — ответят: „Ничего“... Но это ничего еще не значит». Вот «Танцы», обычные танцы, в которых зоркий глаз разглядел и мелкие, как правило не упоминаемые детали («Лететь как бы спираль — витками. Взопреть. О, пота остротца! Упасть на стул. Махать руками Вкруг темно-красного лица...»), и некую жизненную необходимость («Знать надо, чтобы это было. А нет — так надо б то создать, И чтоб нога бы ногу била. И взвизгивать. И приседать»).

Но взрывы, зреющие в глубинах буден, поднимаются поэтом на трагические вершины поэзии. «Возвратите рукопись, верните! Ру-

кописей, говорят, завал!..» Нет, не передать одной строфою весь драматизм написанного на возвышенной и благородной ноте этого взывающего к доброте стихотворения, может быть, о графомане, но, во всяком случае, о человеке, у которого отнято самое его дорогое. А «Поэт скуласт, как азиат, Хоть дело делает благое, Он поднимает газават Против блаженства и покоя». И это тоже обыденность! Так почему же так стесняется поэт одного даже этого слова, почему так хочет он уверить нас в нелюбви своей к обыденности, которая и есть человеческая жизнь? «Обыденность, ведь ты была всегда врагом моим. От самого начала, мне помнится, глубокая вражда все больше между нами назревала»,— говорит поэт и признает в заключение: «Обычное, твои могучи сети! Их не порвать. Тебя не победить! Тут счастлив только, кто на этом свете умел летать, но не умел ходить». Нет, мы живем в обычном и находим в нем счастье, потому что обычное очень разнообразно, а знаем мы об этом и благодаря поэзии Винокурова, щедро раскрывающей в обыденности сущность человеческой жизни. В обыденности, которая, однако, не заслонила от глаз поэта всего того, что украшает жизнь. Чистый взгляд на женщину проходит через всю поэзию Е. Винокурова и утверждает благородство ее. «Стоят под мокрым снегом, скисли с авоськами... Что ж, быт как быт!.. Но женщина в высоком смысле в веках незыблемо стоит!»

Внимание к повседневным, до мелочей, жизненным обстоятельствам сочетается в поэзии Винокурова с книжностью. «Я знаю жизнь, но книгам я не враг...» — сказано, пожалуй, во второй части не совсем точно: поэт немало прочитанного и читаемого им вносит в стихи. «И Диккенса раскрытый настежь том» в них далеко не случаен. Но сильнее, чем Диккенс, привлекают его мудрецы мира, а среди них мыслители и поэты Востока — написанное ими и написанное о них. «В Индии среди развалин храма, Где висит полупрозрачный зной, Сакья-Муни Будда Гаутама В зарослях предстал передо мной». Здесь все правда, здесь увиденное самим поэтом в окрестностях Бомбея. Но (выскажем робкую догадку), может быть, и упавшее на неосознанно подготовленную экзотическую почву некогда прочитанного и запомнившегося ритмическим рисунком: «По горам, среди ущелий темных, Где ревел осенний ура-

ган, Шла в лесу толпа бродяг бездомных К водам Ганга из далеких стран»...

С поэтическим Востоком Винокурова мы впервые встречаемся в «Акынах» — трех небольших стихотворениях, помеченных 1957 годом. «О, как мудры акыны и наивны!.. Степенные уселись гости в ряд. На девочке горят, как солнце, гривны, На аксакале — дорогой наряд. А сам акын беспечно заголяет На пиршествах засаленный рукав И, распалясь, по струнам ударяет, Как голубь чист и как змея лукав». Поэт верен себе: в романтической приподнятости восхищения акыном он успевает разглядеть будничность засаленного рукава. Как не случайный наблюдатель со стороны. В «Пирах» же он полноправный участник грузинского пира, искрометность которого и утомляет и рождает грусть вдохновения: «...Да, я люблю пиры. С тяжелым рогом Люблю я, дверь устало отворя, Встать тихо и смотреть, как за порогом, Белея, поднимается заря». В поэзии Винокурова за нашим, Советским Востоком последовал и иной Восток. «Стихи о Рабиндранате Тагоре», «Будда», «Омар Хайям» — названия стихотворений начала 70-х годов.

Перевод восточной поэзии должен был послужить утолению любознательности Е. Винокурова. Он пришел к переводу вполне подготовленным и творчеством своим, и образованностью в литературе и философской мысли Востока. Для поэта нет трудностей в самом ремесле. Разнообразие ритмов, сила образов, спокойный и непретенциозный выбор слов, смелое, непринужденное обращение к «прозаизмам», наконец, безупречные белый и свободный стих («Неудачи», «Женщина», «Моими глазами», «Когда-нибудь, однажды, в „Гастрономе“...») — все это помогло ему в переложении на русский язык той многоязычной поэзии, которая давно самому поэту интересна,— арабской, индийской, японской, казахской, мансийской, армянской, грузинской.

При любых размышлениях о переводе каждый раз возникают одни и те же вопросы. Не ошибемся, если скажем, что на них на все (оставив их, увы, нетронутыми) способно исчерпывающе ответить лишь само переведенное стихотворение и ничто иное, то есть верность этого стихотворения духу и слову оригинала. Именно слову. Потому что мысль в поэзии выражена словом, самым могучим

орудием человеческого общения,— такова особенность и таков главный признак литературы и отличия ее от других искусств. «И, принятое в множестве голов, Оно свое вершит упрямо дело. Я знаю: люди состоят из слов, Которые им внутрь вошли, и тела» — как может свидетельствовать своим стихотворением «Слово» и наш поэт, если мы привлечем его к беседе.

В русской поэзии полноправно существует большое число переводов из поэзии восточной. Часть их принадлежит выдающимся поэтам, до которых труднодоступное восточное слово доходило через иноязычный перевод или при посредстве ученого, часть — профессиональным переводчикам. Некоторые из этих переводов настолько прекрасны, что, возможно, не потребуют повторения.

Мы должны быть признательны поэту-современнику, когда он испытывает желание приобщить нас к восточной поэзии и благодаря своим переводческим трудам стать не чуждым тому почетному ряду, где сверкают имена Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Фета, Бунина, Брюсова, Бальмонта, Ахматовой... Евгений Винокуров перевел представленную в сборнике поэзию Востока, полюбив ее и поняв заключенную в ней многовековую культуру. Дальнейшие суждения пусть по праву возьмет на себя читатель, в руках которого книга переводов и предисловие к ней.

Л. Эйдлин

Из арабской поэзии

ИБН-АЛЬ-МУТАЗЗ

Сокол

Это рыцарь! Из славных богатырей
Он, быть может, всех лучше — щедрей и храбрей

Всем приносит богатства. И все-таки страх
Он вселяет на родине в маленьких птах.

Он вгоняет их в воду, слегка лишь пугнув!
Кровью жертвы окрашены когти и клюв.

Птахи бились, поняв, что спасения нет...
Мы скакали всю ночь — подымался рассвет.

Был похож этот сокол, паривший меж скал,
На пергамент, который писец исписал.

* * *

Дьявол в душу проник, заразил ее бешенством он.
Люди дьяволу преданы с давних времен.

Стал бы я добродетельным — но не позволит вино:
Красотою своей схоже с пестрым павлином оно!

Сохранилось вино с той поры, когда жил еще Ной.
А кувшин этот — сумрак, где свет пребывает дневной.

Открывают гяуры другие кувшины, а тут
Сохраняют вино, как невесту его берегут.

То святое питье каждый день с удовольствием пьет
И священник, и благочестивый приход.

Дикий огнепоклонник вино называет огнем.
«Это кровь Иисуса!» — твердит христианин о нем.

А по-моему, это ни то ни другое, оно —
Просто чистое счастье, которое людям дано.

Загляни-ка в кувшин,— он тебя поразит красотой.
Поразит красотой тебя пенистый кубок простой!

Так налейте, друзья, этот кубок, пусть пенится он!
Уже утро настало, стоит колокольный трезвон.

Так налейте же в кубок скорей золотого вина,
Чтобы вверх пузырьки поднимались, как жемчуг, со дна.

* * *

О душа, ужаснись и живи, вечный ужас неся.
Опасайся людей, сторонись, о душа, всех и вся!

Разве люди они? В мире хищников нету лютей.
Это звери, надевшие платья людей.

* * *

О душа, ты когда образумиться сможешь, когда?
Отвечала на это душа моя так: «Без труда

Только юноша в силах со страстью поладить суметь.
Говорят: вот любовь! а ведь это пришла моя смерть!»

* * *

Я проверил друзей, я любимых друзей испытал.
Стал от них я скрываться, от встреч я увиливать стал...

Испытаешь друзей и не сможешь подать им руки!..
Ведь в глаза — все друзья, за глаза — все враги.

* * *

Тонкий лотос долины у чистого родника,
Пусть поит тебя ливень и мертвого сердца тоска.

Я бы был недостоин любви, если б здесь я не побыл чуть-чуть,
Обижаясь на страсть,— хоть к друзьям и не близок мой путь.

Здесь немного я побыл под утро, когда
Начал сумрак редеть, и на отдых собралась звезда.

* * *

О души моей думы, поведайте мне: неспроста
Погибает любовь и меня оплела клевета?
Нет, клянусь высшей волей, что беды наслала на нас:

Я-то клятвы не предал и в мыслях своих ни на час.
О когда бы посланец, что гнал, обезумев, коня,
Передал бы мой взгляд вместе с тайным письмом от меня,
Взгляд бы мой рассказал, сколько я пережил в эти дни!..
Излечи же меня и прошедшую радость верни.

* * *

Вот и юности нашей уж добрая четверть прошла.
Что нам плакать о ней?! Ну, подумаешь, право, дела!
Словно два светлячка, на висках заблестит седина.
Пусть! Вон зрелость. Смотри: впереди ожидает она.

* * *

Я твоей красотою, безумец, оправдан вполне.
Равнодушье других — не твое! — даже нравится мне.
Дай свидание мне — за тебя готов душу закласть!
До предела уже довела меня, бедного, страсть.

* * *

О глаза мои, вы мое сердце предали страстям!
Плоть иссохла моя, так что кожа пристала к костям.
Стан ее, как тростник, что возрос на откосе крутом,
Он склонился под ветром любви, но поднялся потом.
Пожалей же влюбленного — я ведь опять ослеплен,
Хоть кричат обо мне: «Он спасется! Опомнится он!»
Написала слеза на щеке моей: «Видите, вот
Это пленник любви,— он под гнетом страданий живет!»
Ничего не сумел я достичь, но лишь вздрогнул, едва
Мой коснулся рукав дорогого ее рукава.

* * *

Хворь скрутила меня, но хвороба неведома ей,
Страсть сковала меня, но она стала много сильней.
Я подумал: «Ты схожа с луною, что в небе пустом!»
«Нет, с луной не сравню!» — я, опомнившись,
крикнул потом.

* * *

Та звезда, что во мраке как глаз ожидает: вот-вот
Соглядатай устанет следить и покойно уснет.
А рассвет, что тихонько во тьме уже начал вставать,
Как клочок седины, проступившей сквозь черную прядь.

* * *

Невольником страстей мой разум стал.
Я, полюбив, ложь истиной считал.
Охотник, я попал в силки газели.
Вся жизнь моя лишь выкуп? Неужели?

Она уже познала в мире страсть:
Во взоре обещание и власть.
Себе простил безумство, но со зла
Любовь я проклял,— лишь она ушла.

* * *

С воинами из дерева бьются воины из огня,
Искрами рассыпается на поленьях броня.
Но вот поленья упали, путь открывая врагам,
Так вот падает платье девичье к ногам.

* * *

За тягу к наслаждению не порицай меня.
К чему мне слушать проповедь твою день изо дня!
Ты все бранишься, сетуешь и все клянешь вино.
Занятие тяжелое, бессмысленно оно!
Бывали ведь советчики! И каждый был неправ.
Им ли понять достоинство и благородный нрав?

Вино — отдохновение от бедствий и труда.
Я рядом с виночерпием с утра сижу всегда.
И из кувшина тянется прозрачна и темна,
Как бы цепочка жемчуга, святая нить вина.
Но в кубок наливается потом еще вода:
И пузыречки жемчуга со дна встают тогда!

И люди хвалят господа тогда на все лады,
Огонь вина смешавшие с огнем простой воды.
Вино старо, и кажется, что то густой туман:
То ль существует истинно, а то ль простой обман?
Народом ад * в Иреме ** нам создано вино.
До наших дней хосроями *** оно сохранено.

В кувшине закупоренном, во мраке погребка,
На боль в ногах не сетуя, оно стоит века.
Такое одинокое, оно ведь неспроста

---

* Ад — легендарный народ древности, упоминаемый в Коране. К этому народу, чтобы наставить его на праведный путь и обратить к единобожию, Аллах послал пророка Худа; но адяне отвергли пророка и надругались над ним, за что и были истреблены.

** В Коране сообщается, что легендарный народ ад проживал в селении Ирем. Однажды один из князей этого народа, прослышав о рае, пожелал в своем государстве построить дворцы и сады, которые великолепием не уступали бы райским. Как повествует легенда, эти сады и дворцы были разрушены возгласом с неба.

*** Хосрой — титул персидских царей.

Средь нынешнего времени стоит как сирота.
В нем мудрое раздумие, и шутка в нем. Лишь тот
Серьезным будет истинно, кто с шуткою живет.

* * *

Развлеките меня, еще смерть не пришла ведь за мной,
Еще дом не построен для тела, чтоб в мир отправляться иной.

Утешайте меня, сколько раз утешаем я был,
Не добившись свидания с той, что любил.

Так утешьте меня, так утешьте, прошу еще раз!
Когда знаю, что смерти ничем не отсрочится час.

Погубило меня то, что губит, быть может, весь свет:
Смена алчных желаний, погоня за тем, чего нет.

С лицемером дружил, что в груди своей злобу таил,
Что вредил мне, насколько хватало коварства и сил.

Только другом моим становился он день ото дня,
Хоть когда-то он злобствовал и ненавидел меня.

Много раз в своей жизни я добрые делал дела,
Много раз сторонился позорных поступков и зла.

Гепарды

Я видел, как они за дичью мчались, мимо, —
Как будто дикий ветр: влекли неудержимо.

И захотелось мне принять участье в лове,
И захотелось мне, как им, отведать крови.

* * *

Могила красотой пестрела небывалой:
Тюльпан и мак сплетались с розой алой!
Спросил: «Кто здесь лежит?» Земля заговорила:
«Поплачь — перед тобой влюбленного могила».

* * *

Будь глупцом иль невеждой прикинься — и будешь спасен,
Ведь на этой земле предназначен лишь глупому трон.
Смотрит разум обиженный в этой юдоли земной,
Как с тоской на наследника смотрит смертельно больной.

* * *

Коль завидует враг, ты терпи что есть силы, и вот
Терпеливость твоя непременно злодея убьет.
Так огонь пожирает себя с дикой алчностью. Вдруг
Он себя истребит, не найдя себе пищи вокруг.

* * *

Любишь ли небо, что луною освещено,
Небо, что белым серебряным светом полно?

Любишь вино, что дает благодатный покой,
В кубки налитое кажется пеной морской?

* * *

О газель, искусившая душу газель,
Я ж поклялся, я был же спокоен досель!
Но явилась без спросу она и, как в бой,
Красоты своей войско ведет за собой.
Жизнь и смерть моя в том получили ответ:
Состоится ль свидание с ней или нет?
Как стрелок авангарда, безжалостный взор,
Мечет стрелы смертельные прямо, в упор,
А над нею стоят — и святы и чисты —
Золотые знамена ее красоты.
Слева желтый цветок оттенил ее лоб,
Справа родинка черная, как эфиоп.
Как легко ты идешь, приносящая смерть!
Надо бегством спастись благочестью успеть!
Добродетель от ужаса умерла!
Это дьявол явился, исчадие зла!
Раньше я сомневался, сейчас убежден:
Пусть не дьявол она, но послал ее он!
Дьявол мне говорит, что нельзя обороть
Вожделений своих. Все прощает господь!
«Ты греха не страшись! И дела и слова —
Все в руках милосердного божества!»

* * *

Хохотала красавица, видя, что я в седине.
«Черный дуб в серебре»,— так сказала она обо мне.
Я сказал: «Нет, я молод! Еще ведь не старый я, нет!»
«То поддельная молодость»,— резкий услышал ответ.
Ну так что же, ведь юностью я насладиться успел,
Был когда-то я радости полон и смел!

Был с хаттийским копьем * схож мой стан, и тогда
На лице у меня не росла борода.

* * *

Слаще кубка с вином и приятнее, чем аромат
Миртов, роз и гвоздик, и милее, уверен, в сто крат
Безнадежно любимой, которой попался ты в сети, —
Скрыть лицо свое, быть одиноким на свете.

* * *

Только ночью встречайся с любимой. Когда же с высот
Смотрит солнце, не надо встречаться: оно донесет!
Все влюбленные мира встречаются ведь неспроста
Только ночью, когда все уснут и вокруг темнота.

* * *

О богатые люди, о гордая, хищная знать,
Вам дано измываться, повелевать и карать.
Вы, наверное, черти, принявшие облик людской,
Вы рабы своей похоти, полные скверны мирской.
Погодите — на небе восторжествует закон.
Мир уже подготовлен: отмщеньем беременен он.

* * *

Ночь чудесной была, лишь одно мне не нравилось в ней,
Что была коротка,— я б хотел, чтоб была подлинней.

---

* В местности аль-Хатт на побережье Персидского залива славился рынок, где продавались копья высокого качества, изготовленные в Индии; отсюда — хаттийское копье.

Я ее продлевал, убивая,— как плащ, я на руку мотал...
Рядом с кругом луны, вижу, солнечный круг заблистал.
Это было, быть может, секунда одна:
Словно чаша воды, словно кубок вина.

Из индийской поэзии

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

Несмышленый ум

Незрелый ум.
Как будто из окон,
Из глаз ребенка робко смотрит он.
О мыслей бессловесная игра!
Схватить и бросить...
Только детвора
Способна с воплем побежать, присесть
И снова побежать.
Зачем — бог весть.
И снова это повторить раз сто,
Хотя причины не было на то.
Мир будет вкруг него сверкать, звучать,
И слышать звуки он, и отвечать
Он будет им,
Бессмысленный герой,
Своею неразумною игрой.

О бессловесный ум,
О ум немой,
Водою душу медленно омой!
То остро любопытен,
То смущен,
На целый мир он сразу обращен.

Нет, не сейчас возник он!
По воде
Он прежде, первобытный, плыл в ладье,
Он появлялся в утренней тиши
Внутри Поэта — в озере души.

Средь беспросветной бездны, одинок,
Он вдруг возник — дрожащий огонек.
Он появился в лепете без слов,
Как птичий щебет,
Как оленя зов.
Среди цветов, ветвей, семян и мхов,
Средь древних рощ, в мелодиях стихов
Он вдруг возник,
Не зная ни аза,
Поднявши к солнцу влажные глаза.
То, как дитя, он весел, то сердит;
И собственных игрушек не щадит!..

Бездумный и живой морской простор
Напоминает мне дитяти взор,
Что прямо в небо устремлен, без дум —
Там недозревший, неразумный ум
Таится где-то в самой глубине,
Под колыханием воды, на дне.
Как стонет море! Снасти напрочь рвет!
Само не знает, почему ревет.
Нет повода, нет никаких причин
Негодованью плачущих пучин.
Оно вопит во тьме и на свету,
И руки простирает в пустоту.

Ум неразумный! Хочет он найти
В истории себя, но без пути
Бредет. Из комнаты во двор,

Оттуда в поле, на простор,
В дремучие леса.
Он топает ногами, в небеса
Восходит пыль. Он подымает вой
И бьется о деревья головой.
Увидев свет вдали, к нему бежит,
Поймать желая, по полю кружит.
И, как дитя, упав,
Лежит средь трав,
Мечты и явь в себе перемешав.

Скорбь

В дни скорби я говорю своему перу:
— Не срами меня!
Не обнаруживай мою боль,
Ведь она — не всеобщая боль!
Не выставляй ее
На всеобщее обозрение...
Не скрывай лицо во тьме.
Не держи дверь запертой.
Пусть горит,
Переливаясь всеми цветами,
Яркий светильник.
Не будь скупым!

Мир беспределен.
Не погаснет никогда его величие,
Невозмутима его природа.
В околосолнечном пространстве
Он высоко держит голову.
Бесстрастен его холодный немигающий взгляд.
Горы, реки, равнины —
Это его неподвижная грудь.

Он не принадлежит мне одному.
Его хозяин — неисчислимое множество людей.
Повсюду гремят его литавры,
Для всех пылает его светильник,
В космических просторах реет его знамя.
Перо мое, не срами же
Перед миром меня!
Моя потеря, моя боль — что они
Перед ним? — Пылинка пылинки!

Но если я смогу своими силами
Преодолеть боль,
Если смогу забыть ее,
Тогда я сразу увижу ее, представшую в виде
Вселенской боли.
Тогда я увижу:
Половодье страданий
Разлилось в реках по миру.
Бегут ручьи и потоки,
Маханади гóря течет через все дома.
Брахмапутра слез
Вздымается и падает волнами.
В берегах бытия
Происходит огромная
Разрушительная и созидательная работа скорби
В разных краях и странах.
Вечная боль разлук,
Вечная человеческая беда
Вдруг влилась в мою грудь,
Раздвинула мои ребра,
Затопила мое сердце.
С какой целью? Кто знает?
Сегодня я громко говорю своему перу:
— Не срами!
Пусть твой дар
Затопит берега,

Пусть в этом щедром разливе
Потонет моя боль.
Слабый крик ее соединил
С тысячами криков,
С многоголосым хором мира.

Мир насекомых

В одном конце сада, между ветвей камини,
Паук развесил узор из росинок,
В другом конце, около дорожки,
Высится из комьев красной земли
Муравейник.
Я утром и вечером
Между ними.
Рассеянно замечаю, что
На шефали набухли почки,
Что эрватамия покрылась цветами.
В середине вселенной
Мир человека на вид такой маленький, —
Но ведь он на самом-то деле
Не так уж мал,
Так же как и этот мир насекомых,
Который сразу-то и не разглядишь,
А тем не менее он находится в центре вселенной.
Сколько прошло веков,
Сколько у муравьев хлопот,
Сколько нужд, сколько проблем.
Какая история!
День за днем, ночь за ночью они
Проявляют
Неистребимое упорство
Жизненной силы.
Между ними, по тропинке,
Я хожу туда и обратно,

Не слыша вечно текущего
Их сознания,
Не замечая их голода и жажды,
Рождений и смерти.
Я хожу,
Вполголоса напевая,
Стремлюсь к одной половине строфы
Подобрать соответствующую ей вторую.
Эти странные поиски
Не имеют никакого смысла в мире паука
И в мире муравьев.
Разве в их безмолвной вселенной
Сейчас рождается
От ощущений — мелодия,
От обоняния — мысль,
От движения — невысказанная боль?
Они шевелят губами, неслышно разговаривая.

Я — человек,
В душе я знаю:
Вся вселенная доступна мне
До своих самых отдаленных уголков, —
Все препятствия когда-нибудь падут предо мной,
Но мир паука навечно
Закрыт для меня.
Занавес опустился навсегда,
Скрыв от меня душу муравья.
Я хожу у края мира,
Волнуемого моими радостями и горестями.
Я вижу крошечные беспредельности,
Моя тропинка — вне их.
Утром и вечером
Я хожу туда и обратно.
И вижу: на шефали появились почки,
Эрватамия покрылась цветами.

СУМИТРАНАНДАН ПАНТ

Солнце

Гляньте на небо! Видите, вот
То Савитар * многорукий идет!
Солнца лучи в глубине озарили
Злые провалы бездонных пустот...
У Савитара семь диких коней,
Мчится он пó небу тысячи дней.
Семь он миров пересек! Он развеял
Тьму, нет которой на свете страшней.

Люди, проснитесь же! Я вас зову!
Славьте зарю! Ведь туда, в синеву,
Это расчистили зори дорогу
Нашему огненному божеству!
Мрак, что стоял над землею глубок,
Утром рассеялся. Это помог
Скинуть господство томительной ночи
Бог, лучезарный и радостный Бог!

Кто был во мраке ночи погребен,
Вышел и видит: на небосклон
Солнце съезжает на колеснице,
Яркое солнце новых времен!
Мчит колесница, как пламя алá,

---

* Савитар — бог солнца.

Бога она в небеса вознесла.
Кони летят и не ведают страха,
Мчат, лебединые вскинув крыла!
Бог озирает всемирный простор,
В мире все видит внимательный взор,
Самых достойных несет в своем сердце.
Крылья в бескрайние дали простер!

Улей

Пчела, пчела, ты откуда
вязкий мед — золотистое чудо принесла?
У края какого леса те цветы растут?

Их бутоны раскрыты, словно в анджали *
ладони, для того чтобы отдать свой дар.

Сколько художников,
сколько мечтателей
глядели на них, но едва ли
и картина и стих этот цветной пожар передали.

В гирлянду заплетя, составив букет,
их люди несут на базары чуть свет.

Но в суете базара
глаз, упиваясь формой цветка,
не заметит капли нектара.

Пчела, пчела,
ты забралась в самую душу цветка,
в самую сущность его проникла,

---

* Анджали — почтительное приветствие, при котором руки, сложенные пригоршней, поднимаются ко лбу.

разбив жужжанием своим
тишину, что стояла в его чашке
так же недвижно, как стоит тишина
в ущельях Гималаев.

А ведь в цветах, в их глубинах,
солнце горит, как на рубинах!
Пчела тот влажный огонь попила,
наполнив им свою душу.
Кто научил тебя ценить аромат, пчела?

Пчела, песня моя, подруга,
дай и мне эти звучащие крылья,
которые поют и поют.
Дай, пчела, мне уменье
ценить аромат нектара, и тогда я
смогу насладиться пьянящим полетом!..

Культура мира схожа с пчелиными сотами.
В ней собраны соки, те, что отдали цветы, —
это наши мечты!
Любовь и тоска,
станьте амритой любви,
соком земли, милой земли ароматом
оживи, мир!

Лицо

Океан
Плещется в моей пригоршне.
Я пью из него,
Если меня начинает томить жажда!

Сожженный огнем жизни,
Я заполняю жизнь собой,

Когда она начинает
Увядать.

Огонь жизни
Блещет, как зеркало из золота,
В которое глядится
Радость.

Лицо обрамлено
Иссиня-черными волосами.
Взгляд пристален
И полон той любви,
Которую сердце внушает
Уму!
Губы, красные, как огонь,
Исцеловало наслажденье.

Я представляю себе
Такое именно лицо,
Когда я
Вспоминаю о тебе!

Я представляю себе
Радость на этом лице
В тот миг, когда я
Произношу:
— Любимая!

Из японской поэзии

СУМАКО ФУКАО

Овощи

Огурцы и баклажаны
я кладу на стол,
они в росе.

Баклажан говорит:
— Мы все фиолетовые.
Огурец говорит:
— А мы зеленые все!

И когда я в восторге
смотрю на них,
моя их в кастрюле с плеском, до хруста,
они в один голос кричат:
— Мы — искусство!

Я смотрю
на яркие краски огурца и баклажана
и думаю:
«Человеку отчаиваться еще рано, рано...»

Дитя

Я ласкаю его.
О щеку трется моя щека.
Я чуть-чуть отвернула одеяло...

О дитя, о вместилище молока!
Я целую его.
И все мне мало, мало.

Телята играют на лугу.
Ветер лепестки с кустов осыпает.
Я целую. Остановиться не могу.
А оно тихонько
засыпает, засыпает...
Тихо... Тихо...

Лето

Через край гигантского кувшина
льется вода,
льются небо и облака.

Как вкусен запах ветерка!

Пучки укропа!
Пучки тмина!

Вьется кожура
из-под ножа!
Зеленая вакханалия!
Песня гремит на кухне,
С третьего этажа.

Любовь

— Тетенька! До свиданья!
Доброго пути! Тетенька!
Так провожают меня соседские дети...

Я обернулась: они все стоят.
И это дает мне силы жить на свете.

В черноте ночи горит огонек,
горит огонек, как в черноте могилы.
И он мне дает силы жить,
дает мне силы!

На перекрестке улиц
я встретила лицо с доброй улыбкой.
Я этого не видала давно,
Такое милое лицо, но...

Я знаю, есть и пахнет для меня одной
тот единственный цветок осота.
Он в том саду, заброшенный,
цветок весной
среди сорняков, у входа.

Вокзал. Не знаешь, как быть с вещами.
Человек предложил свою помощь.
О поздний час!
О сердце человека
с моим чемоданом за плечами!
Я вовек не забуду вас!

Душа осени

Осень, ты укоряешь
сердце мое в безделье
каждый день,

3 Зак. 580

с самой рани!
Ты укоряешь с улыбкой, но она страшнее
любой брани.

Ты всегда улыбаешься,
ты тиха и добра.
Ты, с ласковой рукой исцеляющей,
старшая сестра!

Ты очень спокойна и очень кротка,
но ласка твоя способна смирить
и дерзкого озорника.

Осень, грудь мою тронь!
Позволь сестрой называться!..

Осень кладет свою прохладную ладонь
на мою грудь,
готовую разорваться.

Дом после поражения в войне

Стеклянная дверь разбита,
бьется, как лебедь,
что стал темно-серым от грязи.
Вдоль зеркала трещина пролегла.
И роза в ничто превратилась
в цветочной вазе...

А за окном уже много дней
все испачкано грязью так,
что нельзя быть грязней!

Вы не слышали: где
сдается комната? Может, на дальней звезде?

И я, как коршун
из преданья,
луки свои терзаю,
терзаю свои страданья.

Элегия

Над мертвой золой
поднялся багровый рассвет...
Откуда такая тишина?
Вокруг — край нежилой.
Все выжжено: травинки нет!
Но где-то должен быть источник,
где умываются лебеди.

О тишина!
О невыразимая красота
всего, что не погибло,
всего, что не разрушено!
О цветы в садах,
пестро цветущие,
своим благоуханьем
напоившие нынешний день!

Перебирая струны,
сыплю на ветер
семена своей элегии.

Кукушкин лен

Кукушкин лен,
поднявшийся на красноземе,
шелестит от ветра.

Как прозрачны бывают руки,
погруженные по локоть в ручей!
Под водой
крепко пожимали друг друга руки,
казалось, они улыбаются друг другу.

Бьющиеся сердца
передали воде свое беспокойство.
Глубины леса,
в которые не проникает и днем солнце,
положили свои тени
на щеки этих двух смущающихся людей.
Но опять и опять под водой
крепко пожимают руки друг друга,
чтобы не ушло их счастье,
как уходит вода
сквозь пальцы рук.

Кукушкин лен,
поднявшийся на красноземе,
шелестит от ветра.

Фейерверк

Взлетев и рассыпавшись,
взлетев и вспыхнув, —
куда исчезает фейерверк?..

В черном мраке ночи молниеносно
блеснет
твоя слепящая красота.
И в этой вспышке
вечность
и сегодняшний миг сойдутся,
как две ладони
сходятся для рукопожатья.

Женщина

Кто бы мог представить,
что в доме, чьи двери
открыты для всех и каждого круглосуточно,
есть комната,
которая никогда не открывалась,
с тех пор как построили дом,
и что она никогда не откроется,
даже когда дом разрушится от ветхости?

Кто бы мог подумать?
Да чтобы в таком доме?!
В таком, со всех сторон
для всех открытом доме?!

Осень глубокая

А не нарисовать ли,
склонив набок голову, рыбку?..

А не поговорить ли, утирая слезы
с матерью,
которой нет в живых?..

Дождь. Ветер.
Падающие листья.
Иней.
Ах, так незаметно, незаметно
и — глубокая осень...

Колыбельная для взрослых

Милые мои люди,
в нашу эпоху
есть лишь одно спасение — сон.
Сон — это лучшая пища.
Давайте сном
восстановим силы для жизни.
Нырнем же, все забыв на свете
в пучину сна.
Пусть на время сна
наши глаза станут незрячими,
как глаза рыб, живущих
в черных глубинах океанов.
Спите, цветы.
Спите, птицы.
Усни и ты, ветер.
А если любите сны —
то смотрите сны.
Милые вы мои люди,
давайте спать,
я вам спою колыбельную,
которую пела мне мать!

Река

Морщась,
река несет золото.
Но вот она меняет
выраженье лица —
и вот уже веет от нее
уверенностью.

Раскинувшись
и широко распахнув грудь,

лежит на ее пути
бессмысленно огромное
море —
цель ее помыслов.

А море,
в сговор войдя
с мирозданьем,
ждет ее.
Ожидает.

Море

Кто бы знал,
как бывает подчас грустно морю!
Как бывает грустно
сердцу моря!

Море сливается с небом...
Кто бы знал!

Знаете, море всегда, всегда плачет.
Вслушайтесь в эти стоны!

От невыносимой боли
море поднимает иногда бури
и глотает корабли, убивает птиц.
Но боль не проходит,
море становится только мрачнее.

Вы видели, как море плачет?..
Море плачет, всхлипывая,
пошевеливая цветами водорослей
при белой луне.

Кто бы знал
как больно морю!
Кто бы только знал!
Сердце пряча в глубине,
в синей и черной глубине
море плачет от боли.
Кто бы только знал!

КАНЭКО МИЦУХАРУ

Храм Ханьшань

Мощеная кирпичная дорога,
И сорные проржавленные травы,
И в роще средь тонюсеньких деревьев
Косая и трепещущая тень.
Все камни заросли косматым мохом,
И кажется: щебечут черепицы
Чижами, воробьями и другими
Пернатыми. И колокол висячий,
И белая фаянсовая рама
Так странны в белоснежной галерее,
Где бабочки пугливые кружат.

Но храм Ханьшань безмолвен, и тоскливо
Садится солнце в полукруглой арке.
И ласточки со свистом пролетают
Над желтизною зреющих плодов.
И осень холодит своим дыханьем
Сухие травы, что стоят без тени.
Мурашками покрылась кожа статуй,
И роща пронизала облака.

Озеро заходящей тоски

Фундамент мощной башни обнажился.
И солнце освещает галерею,
И несколько банановых деревьев

Листву свою сухую закрутили
Подобием коричневых сигар...
Скорбь мировая выше и серьезней
Тоски простой простого человека.
О женщина в пуховой красной шляпке
Мы все, мы все когда-нибудь уйдем!
Налей же чаю! Пусть вода спадает
В туманном водоеме нашей грусти.
И пусть траву уныло щиплют козы,
И блики солнца гаснут на воде!
И цапли собираться стали в стаи.
Они кружат, распластывая крылья.
Но нет, моя тоска совсем не в этом...
Названья нет у ней и нет причин!
Но я охвачен скорбью мировою.
Она, как дым, мои глаза разъела!...
И птиц полет, и пальмовые листья,
И в трещинах фундамента паук.

Из казахской поэзии

КЕМПИРБАЙ (1840—1919)

Кемпирбай и Асет
(отрывок)

Когда Кемпирбай находился при смерти, к нему приехал акын Асет *

А с е т

Здравствуй, нар Кемпирбай! Да поможет бог
Сладить с хворью,
свалившей тебя, старика.
Белый сокол, ты гордо летал,
но не смог
Из коварного выпутаться силка.
Лишь о хвори узнал — помутился свет.
Горько плача, поэму читал я три дня.
Я приехал к тебе.
Мое имя — Асет.
Я приехал к тебе,
ты не знаешь меня.
Неужель перед смертью строки не создашь?
Зоркий беркут, на весь ты прославлен Алаш!

* Асет Найманбай-улы — казахский поэт XIX — начала XX в.

Кемпирбай

Чтоб утешить,
Асет перешел мой порог.
Кашель рвет мою грудь,
лоб намокший в огне.
Я оставлю наследникам несколько строк.
Помогите, друзья, приподнять
изголовье мне!
Перед смертью своей «кок кептер» * пропою,
Песнь прозрачна в моей глубине и чиста.
Эй, двухструнную доску
отдайте мою —
Перед вечной разлукой
открою уста!
Напрягись, моя глотка! Я прежде умел
Песни громкие петь для друзей и родни.
Средь Аргынов, Найманов
мой голос гремел,
Тяжело бедной глотке
пришлось в эти дни!
Ангел смерти курук ** мне на шею надел.
Вот уйду, не останется даже следа.
Кемпирбай откочует
за смертный предел,
Не родиться такому
уже никогда!
Словно меч двухсторонний, язык у меня.
Еще многое может он людям сказать.
Не похож я, Асет,
на худого коня,
Что уныло трусит, разучившись скакать.

---

* «Кок кептер» — народная песня; букв. «синий голубь».
** Курук — длинный шест с веревочным приспособлением на конце для ловли лошадей.

Я любых аргамаков опережал,
Грива вскидывалась над шеей крутой.
Я размашистой иноходью
бежал,
Лошадей обгоняя
породы простой.
С тем, чей облик яснее июньского дня,
Я дружил, песни пел и в обнимку ходил.
Девяносто акынов
пытались меня,
Навалившись, подмять.
Только я победил!
В годы детства — Даут * занимался со мной.
Из колодца даутова пил я тогда.
Коль вода в Сыр-Дарье
поднималась весной —
И тогда по колено
была мне вода!
Ай, Асет, я умру! Я от боли кричу,
Что все злее и злее мне сердце сосет.
Если крылья налажу
и в небо взлечу, —
Даже это
от смерти меня не спасет.
Такое мое положенье, Асет,—
Я лежу недвижим, и невесел мой взгляд.
Улететь собираюсь, Асет,
на тот свет.
Божий вклад
я отдать собираюсь назад.
Полосатая утка, грузна и грустна,
Из груди улетела — то песня моя!
Надо мною тоскливо кружится она,

* Даут — библейский Давид; один из самых почитаемых мусульманских пророков.

Неохота лететь ей в чужие края!
И сказала:
«Прощай, Кемпирбай, навсегда...» —
И заплакала,
вспомнив минувшие дни.
Да. Спасенья от божьего нету суда.
Я умру!
Добрым словом меня помяни.
...Пусть летит моя песня к лесным родникам,
К побережью, в глухие степные углы,
К знати северных мест
и ко всем беднякам
Хан-Бертыса
и Каркаралы,
И в пустыни, куда не достанешь рукой,
И до Кара-Откеля * скалистой глуши...
Так молитесь же, люди,
за упокой
Кемпирбая,
его беспокойной души!

---

* Каркаралы (Каркаралинск) — город в Центральном Казахстане. Кара-Откель — территория г. Акмолинска и прилегающих к нему районов.

АХАН-СЕРЭ *
(1843—1913)

Час испытания

Кто крепок сердцем, кто в душе герой —
Лишь тот в тяжелый час тебе поможет.
И тот при встрече отвернуться может,
Кто в дни удачи за тебя горой.
Уж тот велик, кто в бедствии подаст
Хоть кончик пальца. Поищи такого!..
Облить своей хулою бестолковой
В тяжелый час тебя любой горазд.
Трус рвется к власти, обожает честь.
А где он, друг, что честен и упорен?
Коль ты богат — то и друзей не счесть.
Там много кур, где много хлебных зерен.
Коль друга нет ни одного с тобой,
То знай — несчастье над твоею кровлей,
Хвастливого ты испытай борьбой,
А сокола расхваленного — ловлей.
Когда повсюду благодать и мир,
В своем углу любой из нас — батыр.
Красу озер мы чувствуем весной,
Лет лебединый отражают воды.
И только в дни, когда придут невзгоды,
Узнаешь, кто чужой, а кто родной!

---

* Серэ — поэт-импровизатор и певец.

ШОЖЕ

Шоже и Балта

У рода Каракесек Шаншар были богатые поминки. На поминки пришли баи аула: Кунанбай, Алшынбай, Жолшора. Они устраивают состязания акынов Шоже, Балта, Орынбая. Начинает Шоже; он рассказывает собравшимся о себе. Тут Жолшора говорит: «Нужно прогнать акына, который и ругает и хвалит вместе». Тогда Шоже, обращаясь к Жолшоре, говорит:

Судья Жолшора,
ты судья что надо:
И взятки берешь, и взятки даешь;
Ты перед вратами рая и ада,
Еще неизвестно,
куда попадешь,
Мздоимец, душа у тебя крива.
Как смел ты сказать мне такие слова?

Тут вступает Балта

Взял Кара-Откель ты, слепец. И снова
Тебя волненье охватило неспроста.
Пусть в глотке твоей застрянет слово,
Когда появляюсь я, Балта.

Шоже

Как конокрад —
ты известен краю.

Каракесек терпит твой позор.
Заденешь —
я крылья тебе обломаю,
Пигалица с озер.

Балта

Народ мой имеет к скитаниям навык.
Скажет ли тот, кто со степью знаком,
Что Карсан-Керней да Шаншар вдобавок
Худым, мол, рождены Каундыком?

Шоже

Тобою, Балта, уворованы кони.
Плохо везде о тебе говорят.
Ты Иртыш перешел,
ты бежал от погони.
Да, я слепец,
а ты — конокрад!

Балта

Пройдоха, слепец!
Нет в словах твоих склада,
Как лошадь ослепшая, мчишь наугад.
Иртыш переехать мне было надо.
Откуда ты взял,
что я конокрад?

Шоже

Побойся бога!
Ты вор, мы знаем.
На взятку ведь не пойдет любой.
Акпанбай с Наушбаем
Недаром же дорожат тобой.

Балта

Не станешь жить, другим не мешая,—
От пики джигита ты примешь смерть...

4 Зак. 580

Слепец, не страшна клевета твоя злая;
Я взятки брал у тебя?
ответь!

Шоже

Тебе пять десятков уже, а сплетню
Тянешь повсюду,
седой человек!
Что скажет твой Алшинбай перед смертью:
Коней тебе дал за взятку Куспек.

Балта

Табун, что в лесном заповеднике диком,
В луга прогоню.
Буду весел всегда.
Ты раб. Ты склоняешься перед Каундыком.
Киргиз, ты откуда приплелся сюда?

Шоже

Балта, эй потише! Однако
отныне
Узнаешь ты, что ты за человек.
Так слушай, коль хочешь: от смуглой рабыни
Родился твой дед — Каракесек.

Балта

Злобным своим языком колючим
Ты возмущаешь серьезных людей.
Вон сколько вокруг их, возьмем и проучим.
Высечем плетью тебя, злодей!

Шоже

Куспек с Жамантаем, что сделал дурного!
На бога я уповаю всегда.
Если слепца неугодно слово,
От Кунанбая избавьтесь тогда.

Балта

Жить коль не будешь, другим не мешая,
Пикой заколет джигит врага.
Не задевай, прошу, Кунанбая,
Он по заслугам султан-ага.

Шоже

Вор с лихоимцем.
Одни у них речи.
Нынче народ меня слушает весь.
Злодей, обруби свои плечи,
Под Куандыка влезь.

Балта, признав себя побежденным, уступил первенство акыну Шоже.

ШОЛАҚ БАЙМУРЗАЕВ
(1864—1919)

Из тюрьмы

Я разливаюсь рекой в половодье.
Меня не страшит врагов клевета!
Бежал от властей, обвиненный в уводе
Восьмидесяти голов скота.
Джигит рожден послужить для мира.
Махну куруком, промчусь на коне.
Враги обступили меня, батыра,
Но и Сыр-Дарья по колено мне!
С детства привык я к степным былинам,
Настроил курай * на веселый лад.
Белый мой конь
С пером павлиньим,
Из белого шелка на мне халат.
Сажают в тюрьму, как на тлеющий уголь.
Сижу одинокий, неволю кляня.
Подвал оглядел — этот грязный угол —
И нет никого здесь, кроме меня.
Оседлав скакуна, я мчался по полю,
Другим не чета, вырастал силачом.
С разбегу ударил в дверь головою.
И с силою вышиб дверь плечом.
Садится небрежно джигит умелый

---

* **Курай** — музыкальный инструмент, изготовленный из стебля степной травы.

Затем, чтоб искусством блеснуть потом.
Мчится по кругу скакун мой белый;
Верчусь, кручусь под его животом...
Ловок Шолак! Он дела поправит,
Как бы ни были они плохи.
Ну нет, на тот свет его не отправят.
А суд для Шолака — укус блохи!
Как меха кузнечные,— всем на диво! —
Грудь моя горячо гудит.
Вскачу в седло, ухвачусь за гриву,
Еще бы красавицу прижать к груди!
Пускай в тюрьму угодил я снова,
Со мной батыры, грозит им суд.
На пятый день от мирового,
Гляжу, бумагу ко мне несут.
Шалишь! В башке моей крепкий разум!
Лишь поглядел я на тот пакет,
Я сразу понял: Шолак наказан,
В Сибирь упрячут на долгих семь лет.
Каким же я дураком, наверно,
До приговора этого был!
Но лишь увидел, что дело скверно,—
Я сердце мужеством укрепил.
В камень вгрызись с молодецкой силой!
Врага своего в дугу согни!
Чтоб ты в кутузке угас унылой,
Железом двери обили они.
Но в силу свою я, как прежде, верю,
А если ослабну — плюнь мне в лицо!
И как я нажал, разозлясь, на двери,
Рванул за кованое кольцо!
Все затрещало. Подалась кладка.
Известка посыпалась со стены.
Вот это сила, вот это хватка! —
Казахи, русские удивлены.
...Степь родила молодца такого.

Тюрьме не унять богатырский пыл.
А ту бумажку от мирового
На столб фонарный я налепил.
Я смолоду славен песней лихою.
Крепка в поединке моя рука.
Веду заблудившегося за собою,
Как на веревке ведут телка.
Но вот о родне я забыл, однако.
В два счета меня продала она!
Властям передали меня, Шолака.
Видать, рука у властей длинна!

БИРЖАН-САЛ (1834—1897)

Айтыс* Биржана и Сары

(отрывок)

Биржан, приехав в аул Сары, сначала сталкивается в песенном состязании с ее матерью и младшей сестрой, затем едет в другой аул, где в то время находилась Сара, приближается к юрте и, не слезая с коня, начинает песню.

Биржан

Здесь ли Сара? Пусть выйдет навстречу,
Биржан-серэ приехал, певец.
Кто лучше Сары владеет речью?
Но ныне славе ее конец.
Лишь против достойного выступая,
Я чувствую радость в груди своей...
Я громкий певец из рода Алтая,
Я Среднего жуза ** соловей.
Увлекусь я — голос мой громче меди,
Как сокол, я в чистой парю вышине.
Я ведаю все, что бывало на свете,
Что девушка скажет —
известно мне.
Узор мой словесный не знает изъяна,

---

* Айтыс — состязание в стихах-импровизациях.

** Средний жуз — одно из трех политических объединений казахских племен, территориально охватывавшее в основном центральные, восточные и северные районы Казахстана.

Как украшения на груди.
Юрту раскинь и зарежь барана,
Коль петь мастерица — давай выходи!
Боец,
я боролся одной рукою,
Я аргамак средь простых коней.
Иди!
Я горячность твою успокою!
Я знал акынов и посильней.
Сара, что замешкалась в юрте?
Не мучай.
Что ж ты, павлин, не летишь ко мне?
Я громогласный кобыз * певучий,
Кто в силах со мною стать наравне?
Нет, сам не иду я к девушкам милым.
Озлясь,
я как буря лечу, трубя.
Тебе побеждать лишь саяков ** по силам.
Как злая старуха ведешь себя!
Найманов дочь,
где ж твой стыд девичий?
Иль все вы — невежественный народ?
А в нашем краю есть такой обычай,
Что к старшему младший всегда идет.
Пошли мне здоровья!
Я сын Кожагула.
Девушка краше любила меня.
За гриву схватившись, ласкала, льнула,
Ластилась,
гладила, словно коня.
Бесенок,
не слушаешься мужчину.
Тебе все время твержу одно...

---

* Кобыз — смычковый музыкальный инструмент.

** Саяк — отбившаяся от табуна лошадь; слово употребляется в значении «одинокий».

Сара

Зачем здоровья желать аргыну?
Кого беспокоить может оно?
Ты мудрый, я думала,
ты же ничтожен;
Подобных тебе я, Биржан, не люблю.
Я меч-наркескен, что вынут из ножен,
Шею свою береги — разрублю.
Всю округу отравишь смрадом,
Если тебя буду бить языком.
Ты жаден, Биржан,
у найманов надо
Разжиться тебе хоть гнилым куском.
Плохо придется —
под одеяло
Влезь и притихни, ноги поджав;
В ладони б тебя, как латунь, измяла.
Дурень, тогда б узнал мой нрав.
Напрасно вьется Биржан, хлопочет,
Словно дитя, он
не по годам
Робкий,
ходить научиться хочет.
Я руку помощи не подам.
Я — пламя, не потушить дождями,
Я — твердый булат, не берет алмаз.
Что ты аргын — не хвались перед нами,
Этим ли удивишь ты нас?

Биржан

Я о твоей понаслышался славе,
Издалека примчал на коне,
Разве, Сара, я спросить не в праве:
Где же познанья?
Открой их мне.

Чтобы сказать то, что ты сказала,
Из юрты совсем выходить ни к чему.
Сара, ты невежественна.
Как мало
Дают разговоры твои уму!
Тебя приравнивая к мужчине,
Целый табун отдает найман *.
Хоть я серебром и сорил доныне,
Для таких, как Сара, пуст мой карман.
Вольный живу я, рублей не считая,
Я — соловей, деньги не для меня.
Словно у лебедя, шея крутая,
Коль запою —
степь услышит меня.
Четыре наймана среднего роста
В шубу аргына войдут без труда.
Любого наймана я раз, может, во сто
Богаче, —
зачем было ехать сюда?
Не осекаюсь и не спотыкаюсь,
Как конь призовой, по степи я лечу.
Я с лебедем в небе перекликаюсь,
Коль в полную силу запеть хочу.
Что б ни сказала, мне все едино,
Я не обижусь —
характер такой!
Но если б, Сара, ты была мужчиной,
Был бы тогда разговор другой.
Я откровенен, как Алатау.
Сара, Биржан я,
зорок мой взгляд.
Ветер, Сара, донес твою славу,
Узнал о тебе я три года назад.
Лишь сокол заметит, как по просторам

---

* Найман — представитель племени того же названия.

Мчится лиса, петляя
в снегу.
Падкий до мяса, с яростным взором,
Коль надо, я волка загрызть могу.
Народ удивлялся мне вечер целый,
О том, что узнал я, слыша рассказ.
С аргыном встретясь,
олень мой белый,
Уцелеешь ли ты и на этот раз?
Девичья брань веселит мою душу,
Ругани этой забавнее нет!
Крепче ругайся, Сара!
Не струшу;
Мне тридцать семь исполнилось лет.
Как Кокчетау, я полон силы.
Будь ты медведем — и то в борьбе
Я победил бы тебя,
хоть хилой
И жалкой птицей кажусь тебе.

Сара

Ты старше меня,
ты годишься в дяди.
Коль смыслишь хоть в чем-то, увидишь сам:
Я утка,
плыву по озерной глади,
Недоступная ястребиным когтям.
Ты — мех кузнечный.
Смешно мне стало,
Хоть с виду и грозен твой шумный гнев.
Ты кот: говоришь, что протухло сало,
Ртом дотянуться до него не сумев.

Биржан

Милая девушка,
в том-то и дело,

Я никогда не прячу лица
Смелого, —
я начинаю смело,
Я даже твоего не боюсь отца.
Я подчиниться заставлю силой,
Буду гостить до заката дня.
К чему быть акыном девушке милой?
Думаешь, ты умней меня?

Сара

Шатаешься ты в усилье великом,
Как тощая лошадь, чей долог путь.
Кого испугаешь истошным криком?
Смотри!
Загоню и не дам вздохнуть!
Биржан,
ты случайно прозвался акыном,
Напрасно трудишься в поте лица.
Хвалясь, что рожден бесстрашным аргыном *,
Ты, струсив,
полезешь в могилу отца.
Ты надоел похвальбой неуместной,
Ложь опротивело слушать твою;
Может быть, есть певец неизвестный,
Но выдающийся в вашем краю?

Биржан

...Ибрай — кто сравнится с ним из найманов!
На врага изготовится он,
как лев,
Брови сведет, исподлобья глянув,—
Враг склоняется, присмирев.
А как он, могучий, поет прекрасно!
Кто раз услышит — запомнит навек,

---

* Аргын — представитель племени того же названия.

Прослушав песню,
хвалить напрасно
Не станет его ни один человек.
Вот его сверстники —
к воину воин
Подобраны рослые богатыри.
А кто из вас Ибрая достоин?
Не можешь ответить —
не говори!

Сара

Биржану скажу правдивое слово,
Биржан пусть обидеться не спешит,
Как летом пламя пожара злого,
Как неосмотрительный кокандский джигит,
Как будто бы от самого пророка
Благословение получил:
«Я — акын!» — говоришь,
нос задравши высоко,
А сам и куплетика не сочинил.
Край твой, Биржан, знаменит хвастунами,
Врут без совести в вашем краю.
Думой своей поделись-ка с нами,
В песне открой нам мечту свою.
Если не знал,
что Сара знаменита,
Что же тогда тебя к ней влечет?
От нас уезжаешь, наевшись досыта,
И вновь возвращаешься каждый год.
Павлин я.
Ты видел важнее паву?
Народы разные — соседи мне.
В желтой степи и на Алатау —
Угодья мои по всей стране.
Тебе в Петропавловске пришлось поселиться.

Ты о себе,
сравненья любя,
Говорил, как о лошади, как о птице;
Я ж человек — расскажу про себя.
В искусстве пенья, славном и старом,
Я всех певцов превзошла без труда.
Я соловьем называюсь недаром.
Я женщина,
в том ли моя беда?
Пусть конь
до хорошего корма лаком,
Но корм — это мало, пора бы знать.
Я родилась скаковым аргамаком,
В скачке меня никому не догнать.
Я — женщина!
Лик — краше розы алой,
Жарко расцветшей в белом саду.
От смерти тебе не уйти,
пожалуй,
Тебя я искала и в прошлом году.
Тонкий мой стан,
он волнует, прельщает...
Как белая шея моя хороша!
Дума моя одна вмещает
Сорок искусств —
так богата душа!
Не с чем сравниться пальцам белым,
Рот мой — часы,
губы — крышка часов.
Как мастером подобранные умелым,
Тридцать жемчужин — тридцать зубов.
Вздох сладок, как сок,
как изюминки в плове,
Родинки маленькие — взгляни!
Моргну —
затрепещут чуткие брови,

Как знамя шелковое они!
И враг не скажет, в чем мой недостаток.
Как ярко-красного шелка кусок,
Лоб мой девичий широк и гладок.
Рост мой не низок и не высок.
Жду я, Биржан,
ты мне песню подаришь!
Ты смолоду славен в своей стороне.
Ты — мой противник и мой товарищ,
Можешь смелей подойти ко мне.
Рот у тебя —
край латунной гармони.
Кто может достигнуть твоих вершин
И в переливе, и в перезвоне?
Но ты — рассказчик, ты — не акын.
Пять Орынбаев и пять Жанаков *
Рядом с тобою;
Ты смел в борьбе.
Не надо, Биржан, заставлять, однако,
Женщину разбираться в тебе!

Биржан

Всем я вышел,
я рослый, красивый,
Никаких недостатков нет у меня.
Красуюсь, лечу с закипающей гривой,
Любого легко обгоню коня.
Придется, видать, пренебречь тобою.
Речь чеканна твоя, но мертва.
Искусством блесни,
потряси игрою,
Пусть бьют, не ласкают меня слова.

---

* Орынбай (1817 — ок. 1890) — акын, прославленный импровизатор; Жанак (1770—1856) — известный поэт-импровизатор.

Я — иноходец.
В жизни без счету
Я перегнал призовых коней.
Коль в песне возьму высокую ноту —
До смерти ты будешь помнить о ней.
Скакун —
преуспел я в искусстве этом,
Шесть дней не устану мчать под седлом.
Яхонт я.
Всех озаряю светом,
Песней добро пробуждаю в злом.
Я конь темно-серый,
длинен мой волос,
Пью чистую воду на глубине.
Чем дольше пою — тем громче мой голос,
То бес кричит и играет во мне.
Орел я — мне Крым виден;
зоркому глазу
Заметны с высот даже звери сквозь тьму.
Когтем лишь волка задену — и сразу
Конец приходит волку тому.
Тише, Сара!
Я не знаю страха,
Не таков я, чтобы попасть в силок.
Уверен,
что нет на земле казаха,
Который бы мне доверять не мог.
Сара, как не верить ты мне посмела?
Я думал,
когда ты, песню запев,
Вышла в халате из юрты белой,
Что в слово ты вложишь и страсть и гнев.
Ты же лукавишь,
того не зная,
От напасти какой присмиреешь, скорбя.
Бедненькая Сара, родная,

Не чувствуешь, что остановит тебя.
Зачем превозносишь ты Есимбека,
Неужели ты говоришь любя?
Хочу поглядеть я на человека,
Что выбрали женихом для тебя.

Сара

О Хажеке,
что он кричит, хлопочет?
Его я поняла не без труда.
Он Жиенкула увидеть хочет,
Съезди к нему, привези сюда.
От языка своего
покоя не знала.
О язык мой, яркий красный цветок!
Я, к ослу привязанная, молчала,
Так горек был стыд,
так стыд был жесток.
С мудрейшими самыми я когда-то
Говорила на равных в алтайском краю,
И все-таки ниже окажется плата
Цены собаки за смерть мою.
Хажеке,
кто ж это нам поможет?
О проклятый женский удел горевой!
Женщина распорядиться не может
Даже собственной головой!

Биржан

Светик, Сара!
Таким человеком
Гордится земля —
ты мудрее всех!
Есымбек с Турысбеком,
Ой несчастная, несут твой грех!

Слезы твои,

что выжали беды,

Должны понять и родня и народ.

Прекрасна ты — разве ж я уеду? —

И враг недостатка в тебе не найдет.

Песни твои так звонки и стройны.

Лик твой для мира яснее луны,

Даже ногтя твоего недостойны

Лучшие в нашей степи скакуны.

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Кулагер

(главы из поэмы)

Отбор бойцов

Сойтись уездный приказал! Пронесся клич, и вот
Со всех сторон пошел, спеша, как муравьи, народ.
Тут не увидишь никогда ни женщин, ни детей.
Народ запуган. Кто же бунт против властей начнет?

И, по-калмыцки привязав коней, пестра, шумна,
Казахских пеших молодцов нахлынула волна.
Глашатаи со всех сторон кричат до хрипоты.
Борцов, что в бой пойти должны, блистают имена.

Размером годен этот круг для скачки жеребят.
Остались кони позади,— на привязи храпят!
Иголку некуда воткнуть и яблоку упасть.
Уселся в тесный круг народ, сидит за рядом ряд.

Уселись баи впереди на лучшие места,
Знать важно утирает пот. И, видно, неспроста
Начальник грозный на холме с подзорною трубой
Застыл, распаренный, в тени огромного зонта.

У озера Косак народ шумит на берегу,
Как будто на цветном ковре — на молодом лугу,

Сидит и ждет: богатыри сейчас пред ним должны
Могучей удалью своей померяться в кругу.

Вот Ереймена склон. На нем стоит последний ряд.
Халаты, будто бы цветы на пастбище, пестрят.
Чей род сильней? Кто победит? Аргын или найман?
Казахи громко гомонят — поспорить каждый рад!

Но оживилась вдруг одна из боевых сторон.
Ее борец, как столб могуч, для битвы снаряжен.
Раздался дерзкий крик: «Эй вы, а где же ваш борец?»
Был вызывающ этот крик, и был насмешлив он.

Тот наглый окрик напугал воинственную рать,
Борцы задумались: кому охота умирать?
Притихли многие, глаза в смущенье опустив,
И каждый пальцами ноги стал землю ковырять.

Смутился враг! И сотни ртов завыли вдруг тогда:
«Когда ж появится борец, когда ж придет, когда?»
Нахмурясь, мощные борцы раздеться не спешат,
И пот соленый по вискам стекает от стыда.

А тот верзила черен был и, как атан, здоров,
Он, раскорячившись, стоял, свиреп и густобров.
И, духов предков помянув, джигиты с двух сторон
Верзилу вывели на круг и сдернули покров.

Объятый ужасом, народ застыл: «Каков борец!
С таким попробуй-ка схватись — наступит вмиг конец!»
А он стоял, внушая страх, осклабив злобно пасть,
Как будто одинокий тигр в загоне для овец.

Стоял угрюмый великан, недвижен до поры,
Борьбу умел он превратить в подобие игры!
Он страх панический вселял в известных силачей,—
Их загонял, как кот мышей в отверстие норы.

Стоял он, телом волосат, звероподобный муж,
Он был свиреп, как дикий вепрь, и черен был к тому ж.
Лопатки черные свои народу показав
Он грузно на колени встал, сутул и неуклюж.

Хоть кто тут выйди на борьбу, считай — уже пропал!
В гиганте этом черном был воинственный запал.
Он был в приемах искушен, в секреты посвящен
И знал все хитрости борьбы — он в цирках выступал!

Глашатай, выехавши в круг на сером жеребце,
Привстал на звонких стременах в живом людском кольце
И стал пронзительно кричать, сняв лисий малахай,
Об этом черном силаче, о бешеном борце:

«Вот стоит на коленях пред вами герой,
Вздулись мышцы под кожей буграми — герой!
Кости ног его крепче, чем кости слона,
На груди у него шрам на шраме — герой!

Берега Иртыша в страх вогнал он, джигит,
Кто с ним выйдет сражаться, тот будет убит.
На бесчисленных ярмарках он знаменит,
Его помнят Макарьев, Алтайск и Ирбит.

Силача Алатау побил он, герой.
Силача Каратау свалил он, герой.
Когда был он мальчишкой шестнадцати лет,
То известен сноровкою был он, герой.

Помним ас * Аюбая. Рывком от плеча
Одного великана свалил сгоряча.
Поваливши, верзилу подмял под себя,
Он бы мог, как удав, проглотить силача!

* Ас — праздник.

Дар борцовский ему от рождения дан.
Вон, глядите, стоит, словно слон-великан!
Раз атан подвернулся под руку ему,
И ударом был сшиблен на землю атан.

Всем джигитам в округе он страху задал!
Он в победе жесток, он в сраженье удал.
Цирки он разорял, он пугал города.
Он, как шапки, озлившись, джигитов кидал!

Он дракон! Кто бы смог с ним сразиться посметь?
Он неистов, как смерч, он ужасен, как смерть.
Кисть руки у него как железный капкан,
Тверды грозные мышцы его, словно медь.

Волкодав средь щенят! Он жестокий батыр!
Он щелчком убивал обнаглевших задир.
Словно воду, из мышц он выдавливал кровь,
Словно это не мышцы джигита, а сыр.

Враг поверженный выл под могучей пятой.
Драл он кожу с врага беспощадной рукой.
Он боролся не хуже Хазрета-Али,
А ведь тот был, как всем вам известно, святой!»

И вот глашатая слова молвой подтверждены.
Все говорят: «Он знаменит во всех концах страны!»
Кому охота воевать с таким богатырем?
Борцы на корточках сидят, мрачны и смущены.

Глашатай знал, что говорил,— его слова не ложь!
И вправду черный богатырь на дьявола похож.
Как сковороды пятерни, бугристая спина,
К нему попробуй подойди — погибнешь ни за грош!

Удел могучего борца ему с рожденья дан.
Он прибыл к нам издалека, тот черный великан.

Он в городах всех победил — теперь явился в степь.
Он — выдающийся борец, а родом он найман.

У Сагыная, как родной, прижился. И потряс
Собравшихся и прогремел в округе он не раз.
Гостит два месяца уже он у керейцев тут.
Решил он силою своей всех поразить сейчас.

Но где ж соперник? Великан угрюм и раздражен.
С испугом на него глядят борцы со всех сторон.
Ведь сам уездный, говорят, верзилу поддержал.
Сибирь изъездил, изумил собой все цирки он!

И Каратау силача такого не видал,
У Семиречья замер дух — неслыханный скандал!
Семей с Тургаем, притаясь, от ужаса дрожат,
Балхаш открыл с испугу рот, и рот открыл Арал.

Так кто же выйдет все ж на бой? Нельзя найти борца!
Стучат средь мертвой тишины дрожащие сердца.
Молчат бывалые борцы, раздеться не спешат,
Поднять не могут от земли в смущении лица.

И вдруг людская разошлась в две стороны стена.
Выходит человек, его вся в мускулах спина,
Он коренаст, и он совсем не великан на вид.
Его послала на борьбу Окаса сторона.

Кто он такой? Откуда он? Жакип его зовут!
Был из колодца как-то раз им вытащен верблюд.
Увертлив он, он изучил все тонкости борьбы.
Знал силу страшную его степной казахский люд.

Коль нет Жакипа, ни один не состоится ас.
Бывал и у керейцев он,— приз получал не раз!
В Баян-Ауле все зовут его батыр Жакип.
Он кулаком глушил быков — ударом между глаз.

Он был когда-то батраком, потом отары пас,
А нынче залучил его в подручные Окас.
Он был храбрец, он был джигит, но, кем он там ни будь,
В руках хозяина бичом он делался подчас!

Он, гибкий, шел не торопясь, он мышцами играл,
Как ястреб, легок был. В него верзила взор вперял.
Глашатай, обходя ряды, рассказывал о нем
И все достоинства его по статям разбирал:

«Вот борец так борец — нет сильней этих рук!
Крепок он, как сухой саксауловый сук,
Великану не справиться с ним нипочем.
Нет, Жакипа — шалишь — не возьмешь на испуг.

Он Аргын, он исполнен таинственных сил,
Он немало джигитов в борьбе победил.
Это дьявол среди силачей и борцов.
По ухваткам и ловкости он — Азраил *.

Словно рыба, он скользок. В борьбе — молодец!
От удара его отлетает борец,
Как летит перепелка из-под куста,
Если в куст бросит шапку, играя, малец.

Он увертлив, как барс, гладок, словно карась,
Скользок, будто на коже особая мазь.
Если он нападает, то тут же борцы
Сами валятся наземь, не удержась!

А косые глаза его из-под бровей
И быстры и подвижны, как пара угрей.
Обнажает он зубы, рассвирепев, —
Самый злой он из наших богатырей.

---

* Азраил — ангел смерти.

Как орел, что терзает добычу свою,
Он врага под себя подминает в бою.
Прямо держится он, бьет без промаха он.
Нет батыра бесстрашнее в целом краю!

Не одна только сила батыру дана,
Он умеет использовать ловкость сполна;
Он как щука в глубинах зеркальных озер,
А подножки он ставит, как сам сатана.

Даже если споткнется — возьмись удержать,
Навались, постарайся коленом прижать, —
Он рывком незаметным вдруг раз — и уйдет,
Пораженья с усмешкой сумев избежать.

Седогривый, зубастый, напористый волк,
Не сробеет в борьбе понимающий толк.
От напора его даже вепрь убежит,
Увидав его, лев станет мягким, как шелк.

Он — огонь! Быть борцом его вечный удел.
На чужбине он многих борцов одолел.
При неистовых криках толпы он не раз
Выходил на арену, и грозен и смел.

Но и силы немало в нем, в ловком и злом.
Если надо — умеет ломить напролом.
В общем, он из борцов самый лучший борец.
И недаром его называют орлом!

Видно, он не боялся б и в пропасть упасть,
Есть в глазах его узких угрюмая власть, —
Ты идешь осторожно навстречу ему,
Как трепещущий кролик в змеиную пасть.

Не один от удара его погибал,
Он в охапку детин стопудовых сгребал,

Тех, чьи руки, как медные ступы, толсты,
Локти вывернув им, их к земле пригибал.

Да и что говорить! Он сильнее всех нас.
Как тому, кто неистово жаждет, подчас
Попадается вдруг тот, кто жаждет сильней,
Так и он великану попался сейчас!»

Борьба

Вдруг на Жакипа наступать стал черный великан —
Так, будто бы в лесу на рысь накинулся кабан.
Жакипа хрупкого жалеть стал в ужасе народ.
Вокруг все стонут и вопят, грохочет барабан.

И начали они ходить — народ замолк кругом —
То вперевалку, не спеша, то шагом, то бегом.
Как два обезумевших льва, богатыри сошлись,
Сопя и тяжело дыша. Схватился враг с врагом.

К победе великан любил короткие пути —
За шею он решил схватить, да и схватил почти,
Но прыгнул, будто мяч, Жакип, метнулся, будто рысь,
И замер, словно говоря: «Э, милый, не шути!»

Жакип и в этот раз свои уловки не забыл —
Он опрокидывать врага подножками любил,
Но если падал сам Жакип, то долго не лежал,
А тотчас вскакивал, ведь он, как рыба, скользким был.

Но вот гигант рассвирепел, решил кончать игру,
Рванулся, дико захрипев: «Сомну, с земли сотру!»
Был на верблюдицу похож в дни течки, в январе,
Он завывал, а борода моталась на ветру.

Легла гиганту на плечо Жакипа голова.
Объятья тесные крепки. Их прочность такова,
Что их перерубить уже не смог бы и топор!
Сцепившись, начали кружить борцы, как жернова.

Сошлись в бою богатыри лицом к лицу, впритык,
Один — как небольшой бычок, другой — как грузный бык.
Трясут друг друга, и сопят, и топчутся, хрипя,
Их глотки гулко издают звероподобный рык.

Гигант, соперника схватив, попробовал рывок,
Подножку сделал, только тот отпрыгнул резко вбок.
Да что там! Где ему упасть! Он прыгнул как козел!
Пыль поднялась. Он на ногах,— плечо лишь вот рассек!

Оторван напрочь у борца сатиновый рукав.
Клочок материи висит — и грязен и кровав.
Жакип гиганта гнет и гнет, чтоб на спину взвалить,
И бросить, и торжествовать, на грудь коленом встав.

Жакип все ходит и сопит, багровый от потуг,
Вот пригляделся, не спеша приладился — и вдруг
Как крикнет: «Ап!» — и у него верзила на спине,
И только хрустнули в тот миг в суставах кисти рук.

Притихли все. Ай да Жакип! Блистательный прием!
Жакип согнувшийся стоит, а черный бык на нем.
Жакип стал медленно кружить, и оземь великан
На землю рухнул, возопив! Ну что же? Поделом!

Раздались крики торжества с аргынской стороны.
Найманцы, присмирев, молчат, в печаль погружены.
Утихли трусы, присмирев, как зайцы за кустом,
И кличи рода своего орали крикуны.

Упал верзила, и Жакип свалился вместе с ним,
Но, ловкий, словно угорь, он вскочил рывком одним!

Верхом на великана сел, чтоб великан не встал.
Лежал верзила на земле, угрюм и недвижим.

Сцепились, словно на лугу грызутся жеребцы, —
Их невозможно удержать, схвативши под уздцы.
За приз дерутся силачи, катаясь по земле,
Народ взволнованный глядит, как корчатся борцы.

Жакип верзилу вверх лицом никак не повернет:
Трясет, швыряет, словно мяч, но не сдается тот.
Борцы взбешенные хрипят, сплелись в один клубок,
По лицам воспаленным их течет рекою пот.

Друг к другу будто кто-то их веревкой привязал!
Жакипа великан ломал, изматывал, терзал.
Когда же оба силача изнемогли в борьбе,
Уездный развести борцов джигитам приказал.

«Он победил! — кричит аргын.— Ведь он сидел на нем!»
«Не он! — найман кричит в ответ.— Мы были все при том!»
Как тигр и барс, кружат борцы, на смертный бой сойдясь,
Свирепо выкатив глаза. Разняли их с трудом!

Баянцы грозною толпой к уездному идут:
«Приз отдавай! Он победил, и нет сомненья тут!»
Керейцы же кричат свое: «Никто не победил!»
«Победы не было!» — шумит степной казахский люд.

Окас плешивый приуныл — он приза не достал!
«Ничья»,— уездный присудил. И хоть никто не стал
С уездным спорить, возмущен решеньем был народ,
Был взбудоражен весь народ, сердился и роптал.

«Он победил, наш богатырь! Он вашему задал!» —
Одни кричали. Назревал неслыханный скандал!
Другие им до хрипоты кричали, озверев:
«Жакипу приз! Ваш слаб борец, а наш борец удал!»

Детину страшного народ кричащий окружил.
Он был озлоблен и багров, надулись связки жил.
«Нет, спорный приз я не возьму, вновь буду драться я!» —
Сказал верзила и конец раздору положил.

Кричат найманцы: «Эй, Жакип, прошедший бой не в счет!»
Кричат аргынцы: «Не борись, и так тебе почет!
И то неплохо, если приз разделят пополам.
С верзилой снова не борись. Он не борец — он черт!»

К уездному тогда Окас с Шабданом подошли:
«Ты снова им, о господин, бороться повели!»
Сказал уездный: «Пусть они дерутся, коль хотят».
И вот противников опять лицом к лицу свели.

Стоят один перед другим два лагеря сейчас.
«Эй, выходи,— кричит гигант,— еще схлестнемся раз!»
«Не выходи! — друзья кричат.— Жакип, не выходи!
Тебя детина победит, ты опозоришь нас!»

От гнева у Жакипа кровь отхлынула с лица.
Разделся, крепкий, словно гвоздь. В нем ожил дух борца.
Решил он лучше в бой вступить, чем вечно трусом слыть.
Решил за дерзость наказать верзилу наглеца.

«Ну что ж, рискну! — подумал он.— На битву выхожу!
Приз получу, коль силача на землю уложу.
А коль его не уложу, то так тому и быть.
Силач! Иду! Аргынец я — и это докажу!

Он человек, он, как и я, от женщины рожден,
Он будет этой вот рукой, клянусь я, побежден!
Да как же я смогу стерпеть, чтоб этот человек
Кричал мне нагло „выходи!“, чтобы смеялся он!

Народа душу я постиг, его я знаю нрав:
То он бывает справедлив, бывает и неправ.

То им гордишься, как собой, то злишься на него,
Но неразлучен с ним, навек любовь ему отдав».

И вот рассасываться стал, стал затихать скандал,
Подобного степной народ ни разу не видал!
Сказал верзила: «Пусть Жакип придет, коль он не трус!»
И это тотчас же народ Жакипу передал.

Сошлись: приземист был один, и был другой высок.
Вдруг жилистый Жакип врага подножкою подсек.
Споткнулся враг, и кинут был он вмиг через плечо.
И был стремителен, и смел, и страшен был бросок!

И вот гигант лежит ничком. Восторженно орет
И предков славит имена аргынцев шумный род.
Тут, ногу черную схватив, Жакип рванул, и вот
Найманцев приняли дела печальный оборот.

Нога вдруг хрустнула. Завыл детина. Перелом.
Жакип нахохлившись сидит, склонился над врагом.
Толпа рванулась к силачу, ругая и крича,
Кто в страхе за его судьбу, а кто в восторге злом.

Борец прижал борца к земле — победу закрепил.
Народ совсем осатанел, откуда страсть и пыл!
Сцепились, словно петухи: ведь каждый из гостей
До битвы мяса много ел, кумыса много пил!

Окас доволен — поддержал Жакип аргынцев честь!
Лежит поверженный гигант. Вокруг людей не счесть!
Раскинув руки широко, лежит, хрипя, гигант.
Подвернута его нога, ни встать теперь, ни сесть.

Уездный хмурится: ему не нравится исход.
Он папироску закурил. Вокруг шумит народ.
Вон те в восторге, что гигант аргынцем побежден,—
Смеются едко, а вон те грустят, наоборот.

Гигант поверженный лежит, не может встать с земли.
Кровинки нет в его лице, весь в глине и пыли.
Аргынцы ходят подбочась и радостно шумят.
Они толкуют меж собой: «Нам предки помогли!»

К уездному подходит вдруг сияющий Окас
И просит, чтобы дали приз, который тот припас.
И тут выводят скот на круг, и разного добра
Втащили несколько тюков. Все расхватали враз!

Стоит неимоверный шум. Вот два бородача
Подрались в кровь. Тому виной — полштуки кумача.
Кто жеребца повел, а кто барашка поволок.
Два аксакала рвут козу, ругаясь и рыча.

Гигант забыт. Он здесь чужой. Лежит, от злобы лют.
Как мясо на пиру, добро на части люди рвут!
За это плата — чья-то кость, подумаешь, дела!
Приз меж собою разделив, шумит довольный люд.

Такой трагический исход в обычае у нас:
Увечие, а то и смерть приносит каждый ас.
Ругайте, бейте — подтвердить я клятвенно готов:
Такие случаи видал я в жизни много раз.

Кость ловко вправил костоправ.
От жалоб и угроз
Охрип сраженный богатырь, повесил грустно нос.
Народ о грозном силаче забыл, а костоправ,
Взвалив беднягу на коня, в аул его увез.

Возвращение коней

Пленена моя душа с самых ранних дней
Скакунами: я рожден средь степных коней!

Нес меня степями конь, гриву распустив,
Я держался за нее, я склонялся к ней.

Все я знаю про коней. В них судьба моя!
О лихих конях стихи сочиняю я.
Издавна живет казах в солнечных степях,
Там, где небо наверху, а внизу земля.

И богатый и бедняк знали толк в коне.
Для казаха с давних пор были наравне
Конь и друг, ведь без коня — что за жизнь в степи?!
Оттого хороший конь был в большой цене.

С жеребятами в степи с детских дней я рос.
И хотя уже дожил до седых волос
И в автомобиле я езжу каждый день,
Стригунки и по сей день трогают до слез.

Хоть машина у меня и известность есть,
Приз возьму — мне только дай в самолет залезть!
Нынче асов больше нет, только в ноябре
Посмотри на шумный той — скакунов не счесть!

Стал привольней жить народ нашей стороны.
Стали нынче у казахов лучше скакуны.
Очень много дорогих вывели пород —
Кони крепки и быстры, ловки и стройны!

Интересней нет байги *! Весело гремит
На джайляу шумный той **: слышен гром копыт.
Мчались кони. Про меня говорили так:
«Из мальчишки будет прок, вырастет джигит!»

---

* Байга — скачки с призами.
** Джайляу — места летних кочевий; той — празднество.

Слыша то, из кожи лез, хоть и был я мал.
Крепкозубых жеребцов на дыбы вздымал.
Часто я менял коней. По степям летел,
А ногами не коней — птиц степных сжимал!

...Нетерпением давно мальчики горят!
Кони пылки и стройны,— словно на парад!
Чтоб удобней было всем с места взять разбег,
Пляшущие жеребцы выстроились в ряд.

Тыща триста скакунов — весь запружен склон.
Ржаньем яростных коней воздух сотрясен.
Ждут: распорядитель знак должен дать — «Пускай!»
Ждут: еще минута, и — руку вскинет он.

Ждут: сейчас раздастся крик: «Эй, вперед! Вперед!»
На байгу глядят, застыв и разинув рот!
Интереснее байги нету ничего,
Ведь недаром так байгу любит наш народ.

Кони дружно мчат вперед, слышен гром копыт.
Столько сразу мчит коней, что в глазах рябит!
Тыща триста скакунов! Пыль под небеса!
Ржет табун, храпит табун, в ярости трубит!

Мальчики кричат вдали, радостно кричат,
Обезумевших коней криком горячат.
Над травою скакуны стелются, столбом
Пыль горячая стоит. Дико кони мчат.

Кони потные летят. Скорость велика!
От копыт дрожит земля — вся гудит Арка.
Мчат мальцы, кричат, слышны предков имена.
Шум и хаос, гул и гам, пыль под облака!

Затряслась Сары-Арка. Мчатся скакуны —
Над землей летят тела, шеи склонены.

Небеса смешав с землей, кони мчат и мчат.
Клубы пыли поднялись — дали не видны!

Поредела наконец серой пыли мгла,
Что, как туча, над землей черная плыла.
Вот четыре скакуна вырвались вперед.
Мчит свирепый Кулагер — в пене удила!

Где-то скачет позади тысяча коней.
Мчит лавина и хрипит, пар стоит над ней.
И чем дальше — степь быстрей под ноги летит,
И чем дальше — пареньки голосят сильней.

Солнце в небе что есть сил яростно печет.
Ветер пену рвет с коней, пот с людей течет!
Кони падают, хрипят. Но табун вперед
Все летит, летит, летит! Выбывший — не в счет!

Как падучая звезда, страшная звезда,
Конь летит через простор, чуя повода.
Легче ветра кони есть. Кто сказал: «У нас
Нет хороших рысаков?» Это ерунда.

Четверо тулпаров мчат, обогнали всех.
Всадники горды собой, верят в свой успех.
Может ли казах, скажи, не торжествовать,
Если вырвался вперед? Это и не грех!

Четверо тулпаров мчат — скачка с ветерком!
То растянутся в длину, то сожмутся в ком,
Не мешается их пыль с пылью всех других,
И лежат, припав к коням, мальчики ничком.

Сам я вырос на хребте злого скакуна,
Я про скачки и коней знаю все сполна.
Только этой описать скачки не смогу:
Так была она лиха, так была страшна!

Мчит скакун. Лихой малец на его спине.
Не мешает рассказать о мальчонке мне.
Слова не было у нас до сих пор о нем —
Мальчика Ахан привез на своем коне.

Был тот маленький джигит сиротой в роду.
Пожалел его Ахан, принял сироту.
Дорог он Ахану, как Кулагера глаз,
И Ахана полюбил он за доброту.

Были черствыми в те дни у людей сердца,
Но Ахан для малыша был родней отца.
Он кормил его, поил, одевал, учил,
У родни своей Ахан поселил мальца.

На байгу юнца Ахан нынче неспроста
Взял с собою, несмотря на его лета.
Кулагер с ним каждый раз в скачках приз берет.
Счастье, знать, с собой принес этот сирота.

Кулагера нрав постиг шустрый мальчуган.
Дар наездника мальцу был с рожденья дан.
Слушался Ахана он, ведь во всей степи
Никого он не имел ближе, чем Ахан.

Как любимый сын, малыш им воспитан был,
И о горестях своих мальчик позабыл.
Милая, да Кулагер, да малыш-сынок —
Только лишь троих Ахан на земле любил.

Мы отвлеклись, а между тем те четверо коней
Мчат к Ереймену по степи, пыль стелется над ней.
Смеются мальчики с седла над теми, кто отстал,
Кричат, лицом к луке припав, и хлещут все сильней.

Летели мальчики вперед, сгорбясь, как орлы,
Под гром копыт, под крик друзей, пыль — как завеса мглы.
Остался далеко табун. Его уж не видать!
Отставшие — они молчат — насуплены и злы.

Пускай летят тулпары, пусть бег их будет лют!
Есть еще время — до того, как к финишу придут,
К тем обратимся, кто сейчас остался на кембе,
К тем, что летящих над землей коней горячих ждут.

Пусть крики слышатся и степь гудит по временам,
Пусть ободряюще народ кричит своим сынам,
Пусть превратившие Арку в гудящую домбру
Копыта четырех коней бьют в степь, как по струнам...

Из мансийской поэзии

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

Глаза белой ночи

Есть у меня глаза,
Есть глаза у огня.
И у белой ночи,
Как у мудрых женщин,
Зоркие глаза.

В зимнюю черную ночь
Я их вижу во сне.
Я их вижу тогда,
Когда стоит мороз, —
Такой стоит мороз, что я чувствую
Мозг внутри своих костей!..

Мне снятся они,
Как в снегу может сниться
Тепло.
Под звон сосен
Они снятся мне,
Как глаза моей желанной...
Светла белая ночь,
Светлее речки, в которой
Видны все рыбы насквозь...

Эта белая ночь —
Словно мир-суснэ-сам *,
В эту белую ночь
Я — как мир-суснэ-хум **.
Я все вижу и слышу:
Вон, как будто на лыжах,
Проскользнула гагара,
И радугой брызги
Над плесом сияют.

Вот гнется травинка
Под ветром-кнутом.
Вон жужжит злой комар.
А вот дом, как душа:
В нем двери — открыты.

Где-то стон ползет,
Где-то ласка летит,
С ветки на ветку,
Как белка, летит.
В эту белую ночь
Я светлей становлюсь
И нежней во сто крат,
На мгновенье мудрей.
В эту белую ночь
Беззащитен от зла.
В эту белую ночь
Меня мать родила.
Мир уснул, мир затих —
Спят народы Земли.
Лишь легенды и сны
Белой ночью не спят.

---

* Мир-суснэ-сам — глаза, пронизывающие мир, землю, вселенную.

** Мир-суснэ-хум — человек, дух, просматривающий насквозь мир, землю.

Они бродят во мне
Вместе с кровью моей,
И у сердца стучат,
Из моих смотрят глаз...

* * *

Утро.
Оно смотрит на нас
Горячим глазом солнца...
На листве солнечный свет — зеленый.
На Оби солнечный свет — оловянный.
На песке солнечный свет — солнечный.
Песок щекочет ступни моих ног
Пальцами солнц.
На коленях твоих, круглых, как два солнца,
Резвится стыдливым олененком солнце.
Груди твои, как два солнечных шара,
И глаза твои, как два солнечных озера.
Я тону в них.
Тону в солнце!
Я купаюсь. Купаюсь в солнце.
Я расту. Расту под солнцем.
Хорошо!
Я дышу всей грудью.
Пью солнце.
Вдыхаю солнце.
Мир становится солнечнее.
Щедрей становится мир.
Счастье!
Неужели когда-нибудь мир
Потеряет
Тебя,
Меня
И солнце?

— Что такое: на вершине дерева — сильный ветер?..
— Мысль.

(Мансийская загадка)

«На вершине дерева — сильный ветер»...
Человек, задумайся над этим.
Не стой безучастно, как квелая лошадь.
На вершине дерева — сильный ветер!
Дерево живо — в нем соки жизни...
В голове, в вершине человека — сильный ветер:
То волнуются мысли.
Если шум вдруг услышишь,
Не брани вершину дерева...
Человек, задумайся над этим:
Почему гнутся ветви,
Почему говорит так громко листва?
Стань на мгновенье вершиной дерева.
Прими на себя натиск ветра.
Брось в лицо ветра свои вопросы,
Печали, сомненья и все загадки этой жизни —
Жизни, что пахнет горечью дыма
И росной сладостью ягод...
Стань на мгновенье
Вершиной дерева.
Около земли тихо,
Травы здесь не шумят, а только стелются.
А корни дерева ушли под землю,
Щупая тьму
Своими долгими крючковатыми пальцами.
Они не знают о ветре.
Укрытые мхом, как тулупом,
Они сосут вкусные соки земли.
Но видят ли они жизнь
С ее красой и трепетом?
Нет, только листва, что на вершине,

Видит мир.
Оттого она и зелена
И распускается каждой новой весной.
Листья принимают удары первыми.
Они мыслят смелее других,
Они ценят больше других
Жизнь, ее бесконечный трепет.
На вершине дерева — сильный ветер...
Хорошо.
Не опали еще листья!
Человек, задумайся над этим,
Не стой безучастно, как квелая лошадь.
...Стань на мгновенье вершиной дерева...

* * *

Два весла в ладонях у меня,
Две ноги — иду, снежком звеня,
Уха — два, затем, чтобы слова
Я услышать мог! И глаза — два...

...Только сердце у меня одно —
Ожидает твоего оно...

Имя

— Как твое имя? —
Спросил ее вдруг, и вот
Ждет мое сердце, как дверь,
Ну, когда же ее имя войдет?!

...Лед на Оби
Тогда треснет

И солнце поднимется,
Все разрушая и грея...

...Шепни свое имя,
Шепни свое имя скорее...

Враги

Я без друзей не могу.
Я без них не могу, как без свежей
Трепещущей рыбы!
Враги...
Когда их нет,
Я, как лед на реке, таю под солнцем,
Я бегу, бегу,
Как конь без узды!
Я бегу, как ручеек,
Как безымянный ручеек,
Что безымянен, словно
Палец мой безымянный!
Враги...
Они, как звери, встают на пути,
На том пути, где мое сердце
Бежит на лыжах!
Во мне просыпается охотник!
Душа моя напрягается,
Как тетива
Изогнутого лука,
А глаза мои —
Острее стрел!
Я поднимаю своим взглядом
Зверя на дыбы
И сам поднимаюсь во весь свой
Таежный медвежий рост...

Я становлюсь морозом —
Я жгу, как мороз!
Я становлюсь костром —
Я жгу, как костер!
Я сам поражен
Своим пламенем!
Недруги моей земли,
Знайте: тот лед на реке,
Что растаял под солнцем,
Испарившись, превратился
В тучу, держащую
Молнию в руке,
Превратился в гром...
Но и сама река
Может стать льдом!
Знайте, недруги:
У меня, покладистого,
Есть сила...
Или, увидев, что я силен,
Вы сделаетесь подобострастными?

Соболь

У черного соболя
Повадка особая...

...Вдруг прыгнул красавец —
В зубах уже заяц.
С ласковой ленью
Подлезет покорно:
Миг — у оленя
Прокушено горло!
...Нырнули бы в омут
И выжить могли бы!

Плачут и стонут,
Буйствуя, рыбы.
Полюбовались
Гладкостью шкуры!
Вот и нарвались,
Дуры вы, дуры...

Женщина

Женщина, что летом в шали
С колышущейся, как трава, бахромой,
Модница в шапке из зайца
И в беличьей шубке — зимой,
Полуночная краля
С нагими лунными ногами,
Вечерняя кукла
С безмятежными глазами,
Полуденная скромница
С мозолистыми руками,
В которых кипят дела,—
Извини, что тянемся все мы к тебе, —
Ты виновна в этом отчасти:
Ты нас родила.
Ты родила наши желанья и страсти,
Пороки и добродетели — ты родила!

Если несмело
Глазами лисицы взглянет на тебя мужчина,
Значит, и ты когда-то так
На него глядела...
Если глаза мужчины
Вспыхнут вдруг виновато,
Значит, и твои глаза
Горели так же когда-то...

Чего стыдишься?
...Или ты хочешь позабыть
То, что было когда-то, и раз навсегда
Стать свободной,
Как бездумная кукушка,
Не помнящая своего гнезда?..

Обидчик

Воет пес — то волки где-то у забора!
Затряслась осина — вьюга будет скоро.
Женщина рыдает — верная примета,
Что обидчик злобный тут же рядом где-то...

Воет пес — немедля заряди двустволку,
Затряслась осина — двери на защелку!
Женщина рыдает?.. Эй, а не в тебе ли
И грызутся волки, и гудят метели?..

* * *

Кто пасет оленей?..
Встает солнце —
На его груди растут оленята,
Под его теплыми ладонями
Они поднимаются, как трава.

Солнце —
Дневной пастух!
А ночью кто пасет оленей?..

Если глаза у Этпос-кис,
У Луны, смотрят раскосо,

Как глаза азиатки,
То олень — эта молния тайги —
Примет свою смерть
От клыков волка...

Луна — свет ночи!
Луна —
Ночной пастух оленя!..

Но и солнце не светит
Целый день —
Солнце крадут тучи,
Эти черные воры,
Воры света!

И становится солнце
Как таежная женщина,
Что лицо закрывает платком
От взоров...

Ночью солнце плавает за Уралом,
Ночью солнце спит...
И вот тогда волки
Кишат, как черви!
Ночью льется кровь!..
В тайге, как снега весною,
Олени умирают!
А Этпос-кис — луна —
Такая непостоянная!
То уменьшается, то растет,
То за ветки елей зацепится,
А в мире темно все равно...
В тайге волки обнажают клыки!
Только человек — настоящий пастух
Оленя!
Только он — друг всего, что живет!

Как вращается земля,
Не останавливаясь ни на миг,
Так сердце человека
Не останавливается...
Травы растут,
Как растут оленята.
Плывут синие весны...
Волки точат клыки!

Оленевод
Стоит посреди земли.

Из армянской поэзии

ВАРДКЕС БАБАЯН

Армянскому зодчеству

Сцепление с крылом крыла,
И роза, и полет орла,
И чудо творческой руки,
И раны, те, что глубоки,
И ветвь младенческой оливы
Вошли в старинные извивы,
В твои гранитные черты,
Что горестны до черноты.

И факел над толпою красный,
И смерти силуэт неясный,
Пропавшая не навсегда
Надежды дальняя звезда,
И вера, что в пути, в пыли
Затеряна,— давно вошли
В твои гранитные черты,
Что горестны до черноты.

В невянущих цветах луга,
В ущельях радуги дуга,
Сасуна сабля и кольчуга,
И рукоять простого плуга,

Грядущее, что нам дано,
И знамя — все воплощено
В твои гранитные черты,
Что горестны до черноты.

* * *

Нам бы вдвоем
Ну хоть раз бы побыть,
Бродить, глядя на луну...
Если бы нам обо всем позабыть
На ночь хотя бы одну.

Мир — словно крепость,
И небо — как щит.
Близость подобна огню —
Мы растопить бы могли и гранит
За ночь хотя бы одну.

Время проходит неслышной стопой,
Кануло б все в тишину...
Нам целиком иметь бы с тобой
Ночь, ну хоть ночь одну.

Ваагн

Века изруганные
ждут своего возрождения.
От стенаний скованной свободы
звезды падают с неба
и человекоподобный зверь
обнажил свои клыки.

Небо и земля смешались,
чтобы звезды исчезли...

Ты не мог не родиться,
земная твердь и небесная
были уже беременны тобой,
и тобой лишь одним бредили
и песок, и воздух,
и алый тростник.

Ты родился
из пламени нашего неба,
из наших тысячелетних страданий
и из наших распятых надежд.
Поэтому ты имел
огненные волосы,
огненную бороду,
и глаза твои были
как два солнца.

Ты вековым страданиям
дал наглядную форму.
Ты известил о своем рождении
криком свободы.
Ты в свой кулак
собрал свет рассыпанных звезд
и снова рассыпал звезды
по ночному небу.

Ты в алом море
поместил душу нашей свободы,
и преданность нашей воле,
и нашу самоотверженность,
и радости наши звездные.
Я себя познал через тебя

больше, чем через себя,
и мою душу,
и мой путь,
и в какой-то мере
я тоже стал Ваагном,
и мать моя стала
тем, что является
и небом и землей
одновременно.

Сейчас, стоя
на вершине моих дней,
я ощущаю снова
мои распятые надежды,
и соленое тело Астхик
я облизываю
потрескавшимися губами.

Внутренность горит,
как от лихорадки,
ее пожирает
невидимый огонь,
ненасытный, будто дракон...

Ваагн, белокурый молодец,
ты достоин славного прозвища
«Убивший дракона».
Убей же нового дракона,
который сегодня тлетворным дыханьем
вновь угрожает и мне и тебе!

Небо сейчас опустилось так низко,
что люди шагают по нему,
а земля так поднялась,
что люди с чердака
собирают звезды в ладонь,

как маслины
с масличного дерева.

Но дракон изрыгает
невидимый огонь из своей пасти
и из своих голодных глаз,
он хочет пожрать детей и девушек,
чтобы они не стали невестами...

...Твоя тоска, Ваагн,
еще не угасла.
Родись, малыш,
убивающий драконов,
и величавый смысл
твоего рождения
прозвучит
как завещание и как заповедь.

* * *

Осенью позднею ты родилась,
Чтобы не знал я тоски листопада,
Чтобы деревья не рвались куда-то,
Сыпля листвою в осеннюю грязь.
Осенью позднею ты родилась...

Осенью позднею ты родилась,
Чтобы в печали грачи не кричали,
Чтобы нам жить не в конце, а в начале,
Чтобы с весной не нарушилась связь...
Осенью позднею ты родилась.

* * *

Я — как в землю зарытый храм.
Ты отрыла меня, как археолог,
Я поднялся, строен и прям,
Без подпорок.
Ты надписи смогла прочитать,
Укрепила стропила...

...Меня родила когда-то мать.
Ты меня возродила.

Жернова

В сумасшедшем беге бесноватом,
Поглядишь — кружится голова! —
Под седым бревенчатым накатом
Плачут, плачут, плачут жернова.
Пыль столбом до самого карниза.
Боль невыносимую терпя,
Вместо ячменя, пшеницы, риса
Жернова жуют самих себя.
Тайны нет теперь, а это значит
То, что сказки где-то там, в былом.
Жернова измученные плачут,
Духи исчезают сквозь пролом.
На запруде все слабей и у́же
Водопад свергается, урча.
Жернова бормочут? Почему же?
Где же пар горячий богорча?
В сумасшедшем беге бесноватом,
Поглядишь — кружится голова! —
Под седым бревенчатым накатом
Плачут, плачут, плачут жернова.

* * *

Развалины Звартноца воспевал
И эру ту, что больше не вернется...
Но не увидел рушащийся вал
Перед собою
нового Звартноца.

Воспел бездонных пропастей дымок
И глуби беспредельные Севана...
Но одного заметить ты не смог,
Что рядом —
рана...

* * *

Не думай, увидев в груди моей меч,
Что я только жертва. То тело солдата!
Как плата за кровь будет кровь моя течь...
Я руку убийцы отвел когда-то.
С любовью я шел через все времена,
Пути я не знаю труднее и строже!

И смерть не была мне ни разу страшна...
Жизнь тоже.

Дом

Окон моих человеческий взгляд...
Окна мои не мигая в пространство глядят.
Каждая вещь в моем доме, где царит
напряженный покой,
Ждет, чтобы ты их коснулась рукой,
Будто бы пес неподкупный, сторожевой,

Ждет: не раздастся ли голос порхающий твой?
Каждая вещь точно думает все об одном...

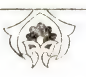
...Как ты смогла, чтоб полюбил тебя дом?

* * *

Я б хотел увидеть это чудо,
Я хотел бы подсмотреть тайком
Тайные процессы. Почему-то
Почка вдруг становится цветком?
Стал смотреть я, миг подстерегая...
Только мне тогда не повезло:
Солнце, чуть помедливши у края,
Над заснувшим деревом зашло.
Утром я, когда откинул смело
В сад окно движением руки,
Увидал: белело и алело —
Это были первые цветки!
...Как любовь возникла, что воспета
Миром, недоступная уму?..

...Ты же улыбнулась мне на это.
До сих пор не знаю — почему...

Из грузинской поэзии

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Мерани

Мчит мой Мерани, летит без тропы, без дороги.
Ворон зловещий мне каркает мрачно о роке.
Мчи, мой Мерани, лети, мой Мерани,— пора!
Черные мысли мои развевают ветра!

Мчи, мой Мерани, по долам, по скалам, по рекам.
Век сократи мне, Мерани, стремительным бегом.
Мчи, мой Мерани, пусть зной и дожди впереди!
Всадник устанет,— но ты и его не щади!

Родину кину я, роком угрюмым гонимый,
Пусть я останусь без друга, родни и любимой.
Где заночую,— там будет и родина мне.
Душу открою полночной звезде в вышине.

Выплесну сердце — оно улететь захотело,
Самозабвенно, куда-то вперед, без предела.
Черные мысли мои развевают ветра.
Мчи, мой Мерани, лети, мой Мерани,— пора!

В землю не лягу, туда, где покоится предок.
Милая, знаю, слезы не прольет напоследок.

Ворон могилу мне выроет, черный и злой.
Ветер, стеная, посыплет останки землей.

Труп позабытый мой будет в ущелье заброшен.
Вместо родни закричит обезумевший коршун...
Прочь, за пределы судьбы, мой Мерани, в опор!
Я не сробею, уж коль не сробел до сих пор!

Пусть пропаду я, в скитанье своем одиноком.
Встречу кинжал. Я погибну, поверженный роком...
Мчи, мой Мерани, лети, мой Мерани,— пора!
Черные мысли мои развевают ветра!

Но, обреченный, не зря я боролся с судьбою.
Будет дорога протоптана в мире тобою.
Следом за мной пролетит на коне мой собрат.
И перед ним уж не будет, я знаю, преград.

Мчит мой Мерани, летит без тропы, без дороги.
Ворон зловещий мне каркает мрачно о роке.
Мчи, мой Мерани, лети, мой Мерани,— пора!
Черные мысли мои развевают ветра!

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

Ода гор

Их вид торжественен и страшен.
Они зловещи и черны,
Как хмурый ряд зубчатых башен
Каджетской крепостной стены *.
Они стремительны.
Под ними,
В тиши стоявшими века,
Под неприступными, прямыми
Клубятся грозно облака.
Где основанье их?
Громада
Угрюмых скал уходит ввысь.
Как бы из недр кипучих ада,
Они до неба поднялись.
Здесь всю — с восхода до заката —
Видать вселенную со скал.
Здесь первый человек когда-то
На утре мира обитал.
Он выходил с природой биться,
Сутулящийся исполин.
Пещеры в скалах, как бойницы,
Чернеют средь камней и льдин.
Здесь мальчиком любил смотреть я

---

* Каджети — крепость каджей (злых человекоподобных существ) в поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

На очаги меж диких скал,
Где долгие тысячелетья
Огонь высокий не пылал.
И предо мною возникали
Картины тех далеких дней,
Когда в пещерах высекали
Ударом пламя из кремней.

Что б ни сказали, а массивы
С их неприступностью крутой
Как-то особенно красивы
Скупой и дикой красотой.
Пускай другим простор равнинный,
Мне ж полюбились с давних пор
Над безднами полет орлиный,
И тьма, и вечность этих гор.
Люблю под инеем суровым
Кусты и травы всех мастей,
Камней поток, летящий с ревом,
Печаль и холод пропастей.
Столетья горы голубели
В густом торжественном дыму.
И был когда-то колыбелью
Тот край народу моему.
Меж гор запрятаны долины,
Чтоб к ним не мог пробраться враг.
Там жили между гор грузины,
Но были корни их в горах.
Когда бы смерчем все на свете
Твердыни были сметены,
Остались только б горы эти —
Опора и оплот страны.
С угрюмых гор к врагам без страха
Мы выходили на простор
И поднимали вновь из праха
Страну, лежащую меж гор.

Войска врага чрез эти скалы
Ни разу не смогли пройти.
Им преграждали путь обвалы,
Ущелья были на пути.
Быть может, скалы некрасивы,
Но вечно в сердце, знаю я,
Они, святые, будут живы —
Здесь молодость прошла моя!
Здесь я карабкался по кручам,
Здесь, наклонясь, кричал в провал
И криком радостным, тягучим
В ущельях эхо вызывал.
Гул рос, как вал, седой от гнева.
Гремел размашист и высок.
Казался страшным криком дэва
Мой слабый детский голосок.
В обрывы ветер камни рушил,
Гудел ущелий разговор.
Здесь голос вечности я слушал,
Могучее дыханье гор.
Торжественными горы были.
Я в годы памятные те
Завидовал их гордой силе,
Величию и красоте.
Они стояли, вдаль уставясь,
На четверть в сумрачной тени.
Сквозь облачный, кипучий хаос
Тянулись в облака они.
Я знал тогда, что горы были
И вглубь надежны и прочны.
Величью, красоте и силе
Нельзя не быть без глубины.
Гуляют ветры над вершиной,
Да соколы в камнях живут.
Недаром гору Соколиной
В народе издавна зовут.

В молчащем каменном величье
Стоят хребты — за рядом ряд.
Под небом в поисках добычи
Зловеще соколы парят.
Их над скалой кружится много,
И есть легенда на земле,
Что выкравший огонь у бога
Прикован к этой был скале.
И с алыми глазами сокол
Героя сердце рвал на ней.
И звон камней, и гром потоков
Казался грохотом цепей.

И все ж землетрясенье это
Привычным было: хоть и мал,
Я видел, как трясло планету,
Как цепи человек срывал.
Тот, что прикован был от века,
Тот, что в цепях не мог вздохнуть!
Трудящегося человека
От пут освободилась грудь.

Такого же, как скалы, цвета —
От скал не отличишь сквозь мглу —
Мое селение надето,
Как будто шапка, на скалу.
В садах был склон, кудряв и зелен.
Все было мелко — поле, двор —
И был лишь только беспределен
Один сияющий простор.
Вокруг, как волны, горы были
Размеров разных, разных форм.
Одни тихи, как волны в штиле,
Другие — словно волны в шторм.
Одни сквозь облака пробили
Вершины, грозны и стройны;

Другие же, поменьше, были
Средь облаков растворены.
Хребтов высоких строй надменный
Во весь тянулся кругозор.
Мне, мальчику, концом вселенной
Гряда казалась этих гор.
Вы выситесь — предела нету —
Докуда достигает глаз.
Стремленью ввысь, стремленью к свету
Учился, горы, я у вас!
Когда ж крутой хребет покрыли
Густые волны рваных туч,
Иметь мне захотелось крылья,
Чтобы взлететь превыше круч.
Мне о величии мечталось,
Когда глядел на горы те.
И по сей день во мне осталась
Тоска по горной высоте.
В долгу у грозных гор грузины.
Вглядитесь пристальней — вдали
В тумане синем гор вершины,
Как на параде корабли.
Сквозь шторм любой к иным пределам,
На край земли, до берегов,
Я жажду с ними плыть под белым,
Под вечным парусом снегов!
Иду! Прими в свои объятья,
Гор неприступных сторона.
И песнь тебе клянусь создать я,
И будет от души она!

На равнинах России

Равнина без края. Гляжу, шагая:
За желтой — зеленая полоса...
Река — там, где трава луговая, —
Сверкнула, словно с размаху коса.
Я подошел по тропе к распутью.
Ветер тронул траву и залег.
Как хорошо вздохнуть полной грудью!
Как горизонт далек!
Река по равнине течет большая,
степь рассекая из конца в конец,
землю суровую орошая...
Я стою средь равнины, словно птенец!..

Как просторы эти широки!..
Но вижу я там, вдалеке, у черты,
родные мне падающие потоки,
родные мне каменные хребты.

Пусть не дожить нам до дня такого,
чтобы кто-то осиротел.
Пусть неведом конец. У хребта седого
и у бесконечности этой предел.

И не дай бог, если б вдруг отныне
по чьему-то проклятью на вечные дни
земля наша стала бы подобьем пустыни,
иль были бы горы на ней одни.

Пусть проживу только миг единый!
Но ветер полей уж коснулся лица!
Всем существом я бы слился с равниной,
что не имеет конца!

Счастье дает ощущение дали!..
Пространство глаза мои обрели...
Стал я богат, словно в руки дали
мне все сокровища земли.
Я в небо тянусь — вкус пространства сладок!
Я в синеве
с головы до пят...
А где-то горы — и в ярости радуг
Бьется о скалы мой водопад.

Равнина без края. Гляжу, шагая:
За желтой — зеленая полоса...
Река — там, где трава луговая,—
сверкнула, словно с размаху коса.

Равнина — вся она как на ладони.
Хотя бы вдали бугорок какой!..
А я мечтаю о дикой Риони
Здесь, за чужою рекой,
рекой, что подобна местами морю,
что благодушную катит волну...
Она велика, да, а я и не спорю!
Я не оспариваю глубину!
Пусть другие величиною
будут захвачены...
Но пока
жив я,
будет в мечтах со мною
тайная бешеная река.

Подняли горы свои вершины,
Кутаясь в бурки, в думах: как быть?..
...Только равнины, одни равнины
меня заставят горы забыть.
Равнин валуны раскалились, как горны.
Горы лежат в облаках, в тени...

...Гора высока. Равнины просторны, —
Но не мешают друг другу они.
Выйти ли из пресловутого круга:
их освещает солнечный свет.
Они далеки — и возле друг друга...
Друг без друга их просто нет!
Близки с равниной и с горным краем,
что мы имеем с тобою, брат?..
...Весь этот мир, где мы проживаем,
разнообразием так богат!..
И жизнь оттенками так богата!..
Пусть не смолкает наш разговор,
пусть в твоем голосе — плоскость плато,
пусть в моем голосе — гул гор,
пусть для разногласий не будет причины,
пусть будет твердо пожатье руки,
пусть будут чувства и мысли едины...
...Разными будут пусть языки!

Равнина без края. Гляжу, шагая:
За желтой — зеленая полоса...
Река — там, где трава луговая, —
сверкнула, словно с размаху коса...
Как хорошо стоять на распутье...
Ветер тронул траву и залег...
...Как свободно дышать всей грудью!..
Как горизонт далек!

Фргагмент грузино-русской хроники

В город Владимир, Картли покинув,
Вошел караван галдящих грузинов.
Народ на верблюдов разинул рты.
Грузины стали, разбили шатры.
Бегут горожане, дивятся товарам:

Яблок гора, гранат навалом!
Айва и унаби, свежи и красны,
Дошли, не помявшись, из дальней страны.
Где ты, Тбилиси?.. В том караване
Бархат, и лал, и парчовые ткани...
Занкан отдыхает среди шатра,
Ноги поджавши. Подушек гора.
Четки перебирает его рука.
Усы его длинные, как рога,
В разные стороны расправлены чинно...
Рядом с ним русский сидит купчина.
Рыжая у купчины бородка.
На столе закуска, вино и водка.
Все на столе, кроме птичьего молока!..
Четки перестала перебирать рука.
Видно, беседы той содержание
Требует внимания и внимания.
Занкан говорит, широко развалясь:
— Князь ваш велик! Справедлив ваш князь!
Есть на Руси неплохие князья.
Но все же с Андреем равняться нельзя!
Андрей нашей веры защитник был.
Недаром народ его так любил!
Его же хоромы тут, рядом почти —
Село Боголюбово по пути...
— Кажется, там... Высокий дом.
Там и убит был в гнезде родовом.
Ударом ножа убили когда-то
Те, что клялись ему в верности свято.
На пол сползая, раненый лев
Умер... Но чудо! Встал, захрипев,
И, шатаясь, спустился по лестнице в зал
И пред злодеями вдруг предстал.
Один из злодеев пырнул его в бок,
И князь, пошатнувшись, упал на порог.
— Ай-яй, что за смерть! Злодеям позор!

— Многие плачут о нем до сих пор.
Народ распустился, гневится люто,
Князя-то нету. Настала смута.
Выгнали и сыновей. И добра
Не дали взять. Ни двора ни кола!
О старшем ты слышал. Он мудр и удал,
Он в Новгороде при отце восседал.
Отняли все — и власть, и поместье.
Мается где-то. Доходят вести.
Все потерял. И богатство. И кров.
Бегство спасло его от врагов.
Есть ли семья? Есть. Но в дальнем краю.
Ну как он прокормит семью свою?
Занкан спросил у гостя: — Чиста
Совесть его? Он не продал Христа?
— Вера у Юрия глубока!
Не сменит ни веры, ни языка!
С тех пор как Юрий наш не у дел,
Махнул он рукою на трон и удел.
Не хочет он с дядей тягаться. В беде!..
...Прячет улыбку Занкан в бороде,
Лоб вытирая цветным платком,
Купчину спрашивает шепотком:
— Скажи, а какая его натура?
— Не льстиво он выглядит, но и не хмуро.
Смирен душой, но поступки смелы.
Если уж верит, то верит без меры.
Кто не вкушал от его щедрот!
Он верный защитник и вдов и сирот.
В думе Занкан: Юрий беден и мал
Нынче... Но мужем годится Тамар!
А может быть так, чтобы кто-то возвел
Его невзначай на этот престол?
Кто его помнит? Кому нужен он?
Кто же ему свой уступит трон!
— Истинно сказано! Только в борьбе
Княжество Юрий добудет себе.

Лоб нахмурен Занкана-старца:
Как же теперь разыскать скитальца?
— Как только с беднягой беда стряслась,
Его приютил половецкий князь.
Да продлятся царевича нашего дни!
Ты его друг, ты его и жени!
Мы с тобой связаны целью одной.
Я ж Юрию буду отец родной.

Тут на Занкана прямо в упор.
Уставил купец удивленный взор.
— Пусть всюду враги. Надо действовать смело!
Выпьем за наше общее дело.
Доверься же мне, словно брату брат,
И перед нами не станет преград.
И замечтался грузинский купец:
Уже он на Юрии видит венец,
Видит алмазы, сапфиры, рубины...
И разгорелись глаза у купчины:
Дело затеял он выгоды ради —
Знал: не останется он в накладе...

Всю эту ночь не спала Тамар,
Мучил ее неотвязный кошмар!
Чувствуя в сердце тоску и заботу,
Руки она простирала к киоту.
Но не было все же покоя,— страшны,
Все не кончались дурные сны.

Вардзия

Как бы паря над скалами,
На вид
Как бриг, надувши паруса от ветра,
Как бы зубилом врублена в гранит,
Вон Вардзия вросла глубоко в недра.

Тут лестницы,
Туннели,
Закутки,
Тут залы.
Исполняя волю чью-то,
Вдруг мановеньем мастерской руки
Строителя воздвиглось это чудо.
Глазурью полыхают купола...
Из глубины пещер полночных в дали
Тут ангелы, не обронив пера,
Оправив важно крылья, улетали.

Великий город каменный возник...
И, падая тут на уступ с уступа,
Блестел средь мрачной темноты родник
Улыбкой, что мила и белозуба.

Вокруг — месхетский воздух голубой...
Стальным мечом когда-то потрясая,
Приветствуя полки идущих в бой,
Тамар стояла у скалы, босая.
Кто шел сюда с войной,
Того уж нет —
Там вражьи трупы, сваленные грудой!..
И радостные вестники побед
Сюда стремглав
Стекались отовсюду.

Как бы паря над скалами,
На вид
Как бриг, поднявший паруса от ветра,
Как бы зубилом врублена в гранит,
Вон Вардзия вросла глубоко в недра.

* * *

Как конь,
грызущий удила,
так время
мчит вперед...

...Как моя родина
мала —
один лишь
перелет!

А где ты,
юности пора?
Как дым,
снесло назад...

Мгла осени,
ты мне сестра!
Весенний дождик —
брат.

Как конь,
грызущий удила,
так время
мчит вперед...

...Как моя родина
мала —
один лишь
перелет!

В гробнице Тутанхамона

Я в сказке,
                    но жду не чуда,
Идя, как во тьму, в века.
Ищу тебя почему-то
Пришедший издалека.

В тысячелетние дали
Я шел, не боясь преград,
Там в ящиках трое лежали —
Один за другим,
                    в ряд.

Четвертый — в резьбе искусной.
И встал я,
                    главу склоня...
С улыбкой, по-детски грустной,
Ты снизу взглянул на меня.

Руки одеревенели
В этой тьме гробовой!..
А я бы хотел о вере
Поговорить с тобой.

Недуг, видать, свел счеты...
Нет на лице бороды!
Ты прожил свой век средь заботы,
Раздумий и суеты.

Но истинно лишь бессмертье!..
Ты поработал как вол.
Из дерева и из меди
Ты гробницу возвел.

Входящих и уходящих
Шаги... Вокруг тишина.

Мумия-пища,
в ящик
положена она.

Мумия-хлеб и даже
Рядом мумия-гусь...
Смотрю я на копья стражи
И пальцем коснуться боюсь.

В браслетах не вижу прока!
Что веер? К чему мне он?..
Но шахматы вот!
Неплохо
Сыграть с тобой, фараон.

Не ползал я перед троном,
Лести не тратил яд...
Но игры с тобой, с фараоном,
Опасность в себе таят!

Пешки шеренгою встали.
Кони. И пара ферзей...
Хотя это помнишь едва ли
Ты в черной обители сей!

Шучу я!
Какое дело!
Все мраком густым залито
Мумия одеревенела,
И все для тебя —
ничто.

Лежишь. Лицо — как из воска.
Кончена встреча с судьбой...
Ты гордо ладью и повозку
Сюда захватил с собой!

Думал, что колесница
С громом промчится твоя?
Думал,
что пригодится
Эта твоя ладья!

Проплыть бы вдоль Нила!..
...Ждет твоих похорон
Где-то у Стикса уныло,
Отчаявшись ждать, Харон.

Твое распластано тело...
И вот уже сколько лет
В мире пребудет вера
В потусторонний свет.

Тебя заждалась могила.
Ты смотришь куда-то —
и вот
Не тень вдоль прекрасного Нила,
А вера твоя плывет.

К Колхиде той древней эпохи
Я руки свои простер,
Где взвился —
сбываются сроки! —
Последнего дня костер.

Вера надула смело
Парус наш неспроста...
Соединяет нас вера —
И нету другого моста!

Живой ты вошел.
Без предела
Был полон веры большой

В то, что когда-то тело
Соединится с душой.

Но вера уж та позабыта...
Несчастный,
покоишься здесь
Ты, словно кусок гранита,
В камнях сверкающих весь.

Скованным и унылым
Лежишь,
уставясь во тьму,
Не радуешься сапфирам,
Яхонты ни к чему!

Все для тебя едино.
Ты уж от них отвык...
Яростный блеск рубина
Радует взор живых!

Яркие скарабеи,
Блеск ледяных зеркал!..
Бессмертья достоин скорее
Тот, кто их шлифовал.

Но те, что нам так милы,
Забыты.
Вздыхаем мы!..
Тонкие ювелиры
Глухи сейчас и немы.

Этих огней вереница
Вспыхнет, и нет следа!
Жизнь улетела как птица!
Не возвратится сюда!

Входящих и уходящих
Шаги...
Мраком все залито!
Тебя опустили в ящик —
Не возродит никто.

Взошедши под своды эти,
Все смотрят на странный предмет.
...Я крикну: «Не верьте!
На свете
Бессмертья-то вправду нет!»

Уж коль фараоны тоже
Простому камню под стать...
Бессмертие! Что дороже?
Где путь?
Как поступать?

А коль у тебя на примете
Бессмертия каменный свет,
То нету тебя на свете.
И не было.
И нет.

ОТАР ЧЕЛИДЗЕ

Однодневный памятник

Пускай из снега водрузят
мне памятник.
Что годы!
На день! Капризы пусть грозят
изменчивой погоды!
И пусть, всходя, светило дня
меня повергнет в трепет,
И сын мой первым пусть в меня,
смеясь, снежком залепит.
Пусть кожа на щеках смугла.
Я буду бел, как вата,
хоть горных очагов зола
была мила когда-то.
Я легкий памятник хочу,
хоть век мой тяжко прожит.
Землетрясенье! — лишь к плечу
дитя ладонь приложит.
А вместо глаз два уголька.
Я их от света су́жу.
Стоять я буду день, пока
я не растаю в лужу.
Лишь день...
Я уроню слезу
на бороду седую...

А после под ноги сползу
людей,
на мостовую.

Волос оторванную прядь
развеет вихрь по свету...
Зимою, через год, опять
явлюсь на площадь эту.
А город через много лет
меня коль позабудет,
в Тбилиси каждый снежный дед
мне памятником будет.

КАРЛО КАЛАДЗЕ

Скульптор Нико

Глину, рыжую глину
Ты месишь, как тесто!
То не тело ль мое, чародей?
Неужели займу я
Когда-нибудь место
Между глиняных этих людей?

Разве мне,
Человеку живому, пристало
Век молчать
В тишине мастерской,
Ног вовеки не вытянуть
Из пьедестала
И вовеки не двинуть рукой?

Ты ошибся, о мастер, в том,
Что снова и снова
Лепишь только глаза и чело!
Дай устам моим слово,
Дай слово!
Лишь слово
Оживить меня б
В глине смогло!

Придало мне молчанье
Другую личину.

Я же не был немым никогда!
Если глину все примут
Лишь только за глину —
Я исчезну навек без следа.

Но сияет, как солнце,
Мой рыжий ваятель.
Сквозь очки смотрит, щурясь,
На свет.
— Да, мы глина,
Всего только глина, приятель,
Мы земля!
И смеется в ответ.

Сам, как рыжая глина
Родимого края,
Та, что где-то в горах высоко!
Светит солнце,
Багровое солнце, играя
В раскаленной улыбке Нико.

Я смотрю, как он,
Занятый думой одною,
Месит глину,
Исполненный сил.
Он поставил лицо мое
Передо мною,
Он мой лик
Предо мной водрузил.

Мы заспорили с ним.
Два творца. Два грузина.
Нужен спор,
А не только хвала!
Этим пальцам могучим
Ареною — глина,
Глина глаз моих, щек и чела.

Миг один — и поймает
Дыхание, трепет.
Скульптор к цели идет
Напрямик!
Он неистов в работе.
Он лепит и лепит.
Нужен миг лишь один!
Нужен миг!

Жду. А скульптор
В неистовстве снова и снова
Ищет точный неведомый штрих!
Но — мгновение!
Окаменевшее слово
На устах появилось моих...

Чужой сад

Сердиты на садовника дубы!
Едва вошел я в незнакомый сад,
Заметил сразу: наклонили лбы,
Молчат деревья и отводят взгляд.
Я же другой! Я злобы никому
На свете не хочу. Скажу — расти!
И, словно руку, веточку пожму
Любой ветле, что встречу на пути.
Я с мудрыми деревьями в ладу,
Смотрю на них, кустарник отстраня.
Сучок несчастный упадет в саду —
И сердце оборвется у меня.
Но этот сад чужой. Он мне не рад.
Подстриженные бережно дубы
Передо мною выстроились в ряд,
Покорные превратностям судьбы.
Я к ним навстречу не спеша иду,

Меня они дерзнули пригласить.
Ну что же, я беседу заведу:
Мне хочется о многом расспросить.
Кто вас подстриг? Убивший столько сил,
Кто тут корпел? О, кто мольбам не внял?
Кто тень, как коврик, в ноги подстелил?
Кто вас подрезал, кто вас подровнял?
Вот лестница.
Наверх бежит она,
И память о подошвах не храня.
А кедр откуда? Где его страна?
О чем спросить? Поймет ли он меня?
Мне сад чужой! Да и всего скорей
Покажется дворец мне, как и сад,
Чужим! Чужим!
Хоть у его дверей
Колонны, как придворные, стоят.
Бокалы все расколоты!
Вино
Разлито — я и следа не сыскал!
А платья белоснежные давно
Исчезли, как виденья, из зеркал.
Я не хочу из глубины времен
Их вызвать. Я не знаю их судьбы
И кто они! Брожу я.
Удивлен:
Деревья, а застыли, как рабы!
Сын труженика, глянув в вышину
И вовсе не мечтая о дворце,
Навстречу солнцу утром распахну
Свои объятья,
стоя на крыльце.
Дрожит на ножке тоненький цветок.
Вся в щелях тень на травке у плетня,
А с неба, с неба рушится поток
Листвы, листвы зеленой на меня.

А здесь, под небом дальним и чужим,
Сам дуб,
властитель сумрачных дубрав,
Подстрижен, раболепно недвижим,
Меня встречает, ветви вверх подняв.
Я знаю, знаю: тропочка в саду
Посыпана толченым кирпичом.
Нет, это путь не мой. Я не пойду
По тропочке подобной нипочем.
Вот сад — как на ладони! Тут он весь.
Отмерена длина и ширина.
Однообразие! Я огорчаюсь:
здесь
Не за него ли воля отдана?
Сердиты на садовника дубы.
Едва вошел я в неподвижный сад —
Заметил сразу: наклонили лбы,
Молчат деревья и отводят взгляд.
И пруд застыл, как будто неживой.
Не кашляни — воды не всколыхни.
И свесились кусты вниз головой:
Как мученики тощие они.
И только плющ хозяином в дому.
Бежит все вверх, все вверх, не удержать.
Уж вон он где!
Кто знает, почему
Один сумел он ножниц избежать.
Нет, зря садовник думает пресечь
Деревьев рост. И сам, видать, не рад!
Не распрямить деревьям узких плеч,
Не даст потомства этот скучный сад.

Деревья! Мы же все с одной горы!
Вот Грузия! Вот вдалеке Кавказ!
Храните вы молчанье до поры.
Откройтесь нам. Мы выслушаем вас!

Вон лес. И он бы вам рукоплескал
За ваш рассказ. Он не бежит родства.
Стоят дубы у черноморских скал.
Течет с дубов могучая листва.

ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ

Два обелиска

Я вернулся
давно,
но доныне
нет покоя мне,
сердце горит:
на чужбине,
на дальней
чужбине,
брат мой
в землю сырую
зарыт.

Лишь война
отошла,
и на месте,
где был брат мой любимый
сражен,
меж высоких цветов,
в Будапеште
был простой
обелиск
водружен.

«Здесь герои-разведчики
пали» —

золотые мерцают
слова.
На сверкающем пьедестале
два гранитных
насупились
льва.

Я грузинское имя
на меди
прочитал
средь сибирских имен.
Он был смелым солдатом,
и в смерти
среди смелых
находится он.

Хлеб,
что мать испекла моя
в горе,
преломлю я
в родимом краю,
и без брата я
о Цивгомбори
нашу старую песню
спою.

Тополь стройный
за тихой дорогой
взвился вверх,
как зеленый фонтан.
От листвы его,
светлой
и строгой,
серебристый
исходит туман.

Перед тем
как в солдаты
ушли мы,
брат на тополе
взрезал кору:
— Пусть он
верно
хранит мое имя
годы долгие,
если умру.

И душа моя
грустью
объята,
и не в силах
я сдерживать слез —
тополь имя
любимого брата
под высокое небо
вознес.

Если брату уж доля такая —
умереть
не в родимом дому,
этот тополь
средь отчего края
обелиском пусть будет ему.

РЕВАЗ МАРГИАНИ

Пробуждение

Встал поздно...
Нет уж от зари
Следа.
Средь скал, ища расплаты,
Ворочается Зекери
В ручьях.
Рокочут водопады.
Меня окликнул древний вяз,
Растрескавшийся посредине...
А речка Черная,
Вдруг враз
Рванув, помчалась по долине.
И в буйстве перейдя за грань,
Таща пуды песка и ила,
Под вопли женщин,
Крик и брань
Она покосы затопила.
Я спал.
И гром, что по лесам
Прошел,
Меня поднял, и тут же
Я побежал
И вспыхнул сам,
Как эта молния из тучи.
С самой природой вместе

Вниз
Сорвался я, как с перевала.
И надо мною гром повис.
И молния в глазах стояла.
И я с тех давних пор лечу...
И все ж почти что каждый день я
Терзаюсь —
Я понять хочу
Всю необычность пробужденья.

Печаль о том стихе не покидает меня

Я окончанья не достиг
И оторвался от работы.
Я встал и не закончил стих.
Остались строки, как сироты.
Куда-то вызвали меня...
И вот какая незадача:
Вокруг пустая суета,
А дома стих остался, плача.
Как птица из гнезда, я пел,
Как птенчики, сидели строки,
Но стих окончить не успел
И, видно, пропустил все сроки...
Дается трудно мне конец
С тех пор. И, видно, в том причина,
Что вот не в силах я, мудрец,
Собрать все мысли воедино.
Промчалось много дней пустых.
Тоскую, и тому виною
Все незадачливый тот стих,
Что так и не закончен мною.

МИХА КВЛИВИДЗЕ

Самгори

Подсолнухи. Сухое дно колодцев.
Дорога ввысь — хоть к солнцу подъезжай!
Сквозь пыль огромно яростное солнце
И «малых солнц» плачевен урожай.
Самгори. Три обугленных кургана.
Как жалоба трех братьев — ветерок.
И трещины от зноя, словно раны,
На красной глине высохших дорог.
Я помню детство: белого накала
Над миром солнце, жар упорный дня.
Я жажду помню, жажду, что сжигала
В те времена Самгори и меня.
Но сам я первым подошел к Иоре,
Был смел напор моих душевных сил.
Я с песней встал на голубом просторе
И, высказавшись, жажду утолил.
Лишь для Самгори не настали сроки —
Была Иора светлая вдали,
И ветерок влачился по дороге,
Хрипя, полузадохшийся в пыли.
Была жара. Ни капельки в колодце.
Дорога ввысь — хоть к солнцу подъезжай!
Сквозь пыль огромно яростное солнце
И «малых солнц» плачевен урожай.

Панорама Кахетии

Туча — как тур на высокой скале,
Горы остры и круты,
Низкий кустарник в предутренней мгле,
Словно баранов гурты.

Солнце с высот величавых печет,
Краем владеет оно.
Гулко маджари в кувшины течет,
Воздух томит, как вино.

Песня аробщика, песня без слов,
Светлой Иоры длинней,
Плавно текущая мимо дворов,
Между высоких плетней.

Хитрость пастушьих запутанных троп,
Здание новое ГЭС,
Где о плотину разбила свой лоб
Тьма полунощных небес.

Тихие домики, белые все,—
Солнцем глаза их горят,
Мчатся машины вдали по шоссе,
Ястребы в небе парят.

Пир, несмолкающий даже к утру.
Выше заоблачных сфер
Многоголосая песнь на пиру —
«Мра-а-валжа-а-миер!»

Пасечник старый в папахе большой —
Прочен, богат его дом —
С сердцем радушным, с открытой душой,
Славен он честным трудом.

Здесь, на земле,
седовлас и суров,
Гость, как и каждый из нас,
Он целый мир без раздумья готов
В гости позвать хоть сейчас!

Детство

Я помню детство: искорки росы,
Друзей и песни. Речки синеву...
Приснились мне огромные часы,
Каких я и не видел наяву.

Приснилось мне: привставши на носках,
Давясь от слез, в обиде сам не свой
Зажал мальчишка маленький в руках
Конец тяжелой стрелки часовой.

Хотел сдержать он мерный ход времен,
Забыв про книжки, игры и дела...
Но стрелки шли, и громко плакал он,
И в ссадинах ладонь его была.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ МАНСИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Евгений Михайлович Винокуров

ИЗ ПОЭЗИИ ВОСТОКА

Избранные переводы

Редактор *Л. Ф. Керцелли*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 13756

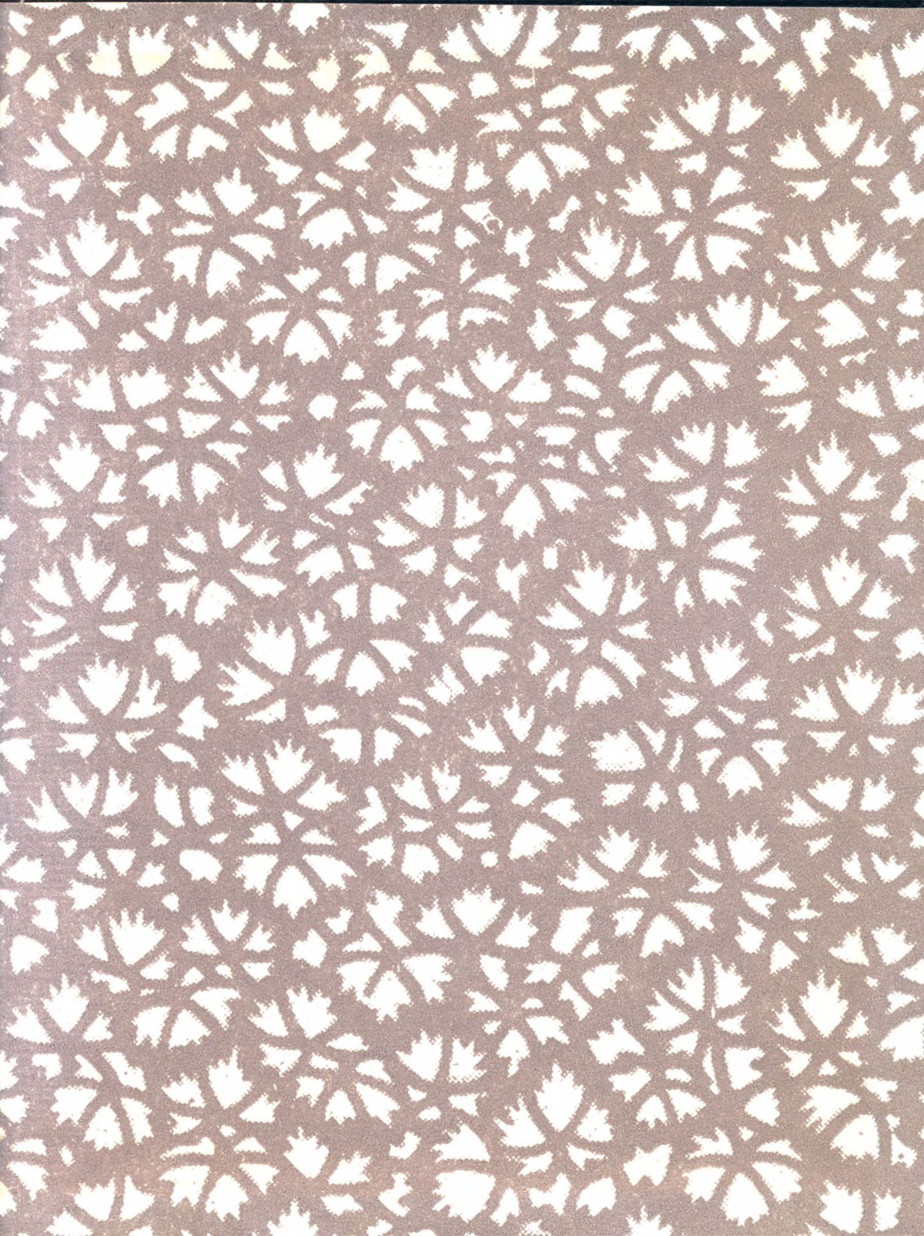
Сдано в набор 28.08.79. Подписано к печати 11.01.80. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 10 000 экз. Изд. № 4314. Зак. № 580. Цена 90 коп.

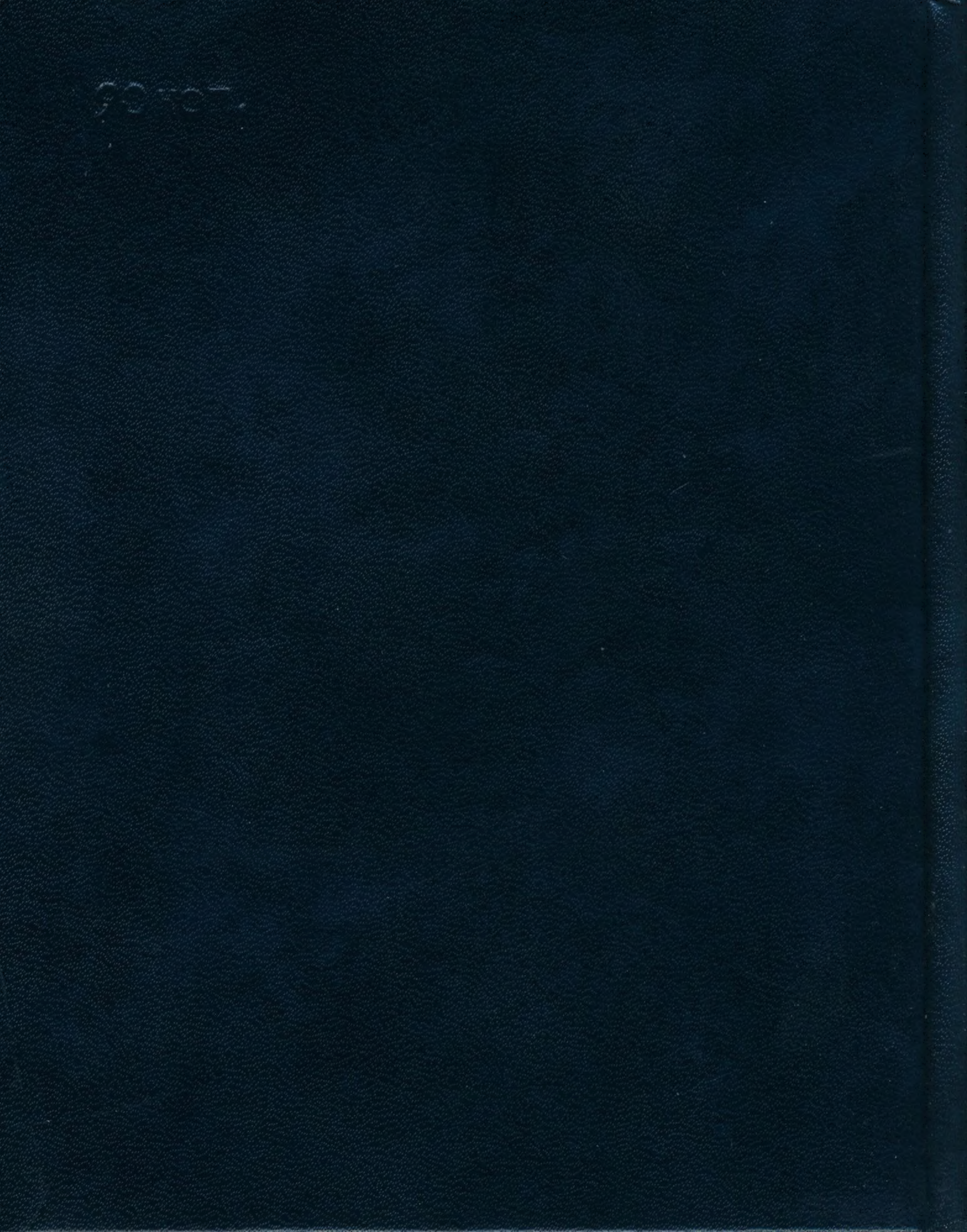
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

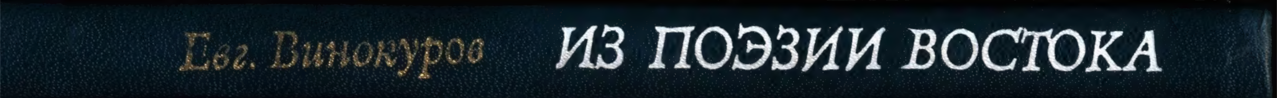
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Евг. Винокуров
ИЗ ПОЭЗИИ ВОСТОКА